

Уничтожение денег

Краткий очерк финансовой катастрофы в Германии 1920 годов

Непостижимое – как это близко...

Осип Мандельштам

От автора:

Предложение денег – масса (объем) денег в обращении. Инфляция есть следствие постоянного роста денежного предложения. В форме роста цен (инфляции) происходит обесценение валюты. На денежном рынке тоже действует закон спроса и предложения. Но пропорции между ними нарушаются чаще (и проще). Поскольку же «товаром» являются деньги, многое выглядит не так, как с реальными товарами. При недостатке предложения денег страдают потребители, а при избыточном предложении денег ущерб терпят... опять же потребители.

Курс валюты всегда относится к золоту или к какой-то другой валюте (рубли к доллару или рубль к фунту...). При росте предложения денег в данной стране, курс ее валюты по отношению к золоту и более устойчивым валютам других стран может падать (и обычно падает). Таким образом, инфляция, как правило, сопровождается обесценением национальной валюты на валютном рынке. Когда растет предложение денег и растут цены, для оценки обесценения валюты остаются только показатели падения ее курса к другим валютам. Золото менее удобно для этого по ряду причин.

Финансирование государственных расходов в нашем случае осуществлялось так. Государство выпускало облигации – Биллы Казначейства (Treasury Bills) и посылало их в государственный банк (Рейхсбанк), подобно известным нам из литературы векселям. Банк их «учитывал», или «дисконтировал», то есть, оплачивал с некоторой скидкой. Полученные средства правительство могло тратить по своему усмотрению.

Война и мир

Все изменилось в Европе в 1914 г. Страны золотого стандарта номинально держались своих обязательств по твердому паритету

обмена валют, но на практике везде были введены жесткие меры контроля, вся золотая монета была конфискована, а бумажные деньги... Фактически золотой стандарт остался в прошлом. Иначе и быть не могло – воюющим государствам постоянно и всегда срочно нужны были огромные средства, не сравнимые с расходами мирного времени. И не было иного выхода, как печатать и печатать бумажные деньги, забыв про золотое обеспечение. В лучшем случае выпускались разнообразные «бонды» – облигации, которые когда-нибудь в будущем можно будет обменять на золото. Их покупали, они торговались на бирже...

Везде росла инфляция. Рост резервов золота по причине изъятия его из обращения в запасы привел к росту денежного предложения со стороны банков даже в невоюющих странах. Это стало дополнительным стимулом для роста цен. Уровень цен в США с 1913 по 1919 гг. вырос в 2 раза, в Британии – в 2,5 раза, во Франции – в 3 раза, в Германии – в 8 раз.

Расстройство экономики было повсеместным и невообразимым. Во всех воюющих странах фактически пропало понятие о нормальном бюджете. Радикально и необратимо изменилась структура производства и международной торговли. Резкое падение продукции сельского хозяйства Европы (особенно зерна), а также исчезновение с рынка такого в прошлом крупного экспортера зерна, как Россия, вызвало бурный рост сельского хозяйства в США, Канаде, Аргентине и Австралии. (В 20-е годы, когда страны Европы стали наращивать сельхозпродукцию, спрос на заокеанский хлеб упал, и это вызвало кризис в сельском хозяйстве США. Правительство начало субсидировать фермеров... Короче, вся эта история имела последствия далеко идущие и нехорошие).

Страны, что прежде зависели от импорта промышленной продукции из Англии, Германии и Франции, теперь стали получать ее из США¹. В Азии крупнейшим экспортером промышленной продукции стала Япония.

Горе побежденным!

11 ноября 1918 г. было подписано перемирие. В числе условий перемирия, были оговорены: вывод немецких войск

¹ Отсюда, возникло, возможно, распространенное (в прошлом) у американцев представление, что война – источник процветания.

из Франции, Бельгии и Эльзаса-Лотарингии, отказ Германии от ее колоний в Африке, оккупация союзниками Рейнской области, а также блокада Германии и ее союзников до подписания мирного договора. Наконец, условия предусматривали выплату Германией репараций².

Заметим: если бы Германия победила, она бы действовала точно так же. Например, по Брестскому миру (дополнительное соглашение от 27 августа 1918 г.) Россия должна была уплатить Германии репарации в сумме 6 млрд марок золотом. Правда, платеж не состоялся.

Америка отказалась от получения репарационных платежей, но предъявила европейским странам счет на уплату ей военных долгов. У стран-победителей появился прекрасный предлог: репарации им нужны не только для восполнения убытков от войны и расходов на оккупацию, но также и для платежей Америке!

По условиям Версальского мирного договора (июнь 1919), Германия должна была принять на себя всю ответственность за войну, что вряд ли было справедливо и несомненно было ложью³.

После заключения мира, возможности экономики Германии и суммы репараций обсуждались на конференциях в Брюсселе (1920) и Париже (январь 1921). Потом, в Лондоне (февраль 1921 г.), обсуждались контрпредложения Германии. Чтобы сделать ее уступчивей, войска союзников заняли немецкие порты на Рейне: Дуйсбург, Рурорт и Дюссельдорф. Нельзя сказать, что эта мера облегчила задачу предполагаемому плательщику репараций. Лондонские переговоры возобновились в марте 1921, и Германии был выставлен окончательный счет.

² Отдельные мирные договоры были заключены с Австрией, Болгарией и Турцией, которые тоже должны были платить репарации. Но объем убытков, причиненных этими странами, никогда не был подсчитан, и репарации с них не взымались.

³ Поэтому и чудовищные репарации. Все вместе это стало одним из главных пунктов пропаганды Гитлера.

Общая сумма reparаций составила 132 млрд марок золотом, что было эквивалентно 33 млрд долл.⁴ или 6,6 млрд фунтов стерлингов. Эту чудовищную по тем временам сумму Германия должна была выплачивать годовыми взносами по 2 млрд марок золотом. Вдобавок, Германия должна была отдавать сталью и углем 26% своего экспорта. Эти требования сопровождалась угрозой новых санкций в случае неуплат (Франция добивалась оккупации Рура).

Понятно, у Германии не было золота даже в близком к тому количестве. Единственным для страны способом собрать такие суммы был бы избыток экспорта над импортом, и получение разницы золотом. Установленный объем репарационных платежей за год составлял 80% общего годового экспорта Германии в 1921–22 годах, но наращивание экспортной продукции требовало и роста импорта для промышленности страны.

К несчастью, вывозить Германия могла, главным образом, железо, сталь, уголь и текстиль – как раз то, что было продукцией ключевых отраслей экономики главных импортеров немецких товаров – Британии, Франции, Бельгии и США. В прошлом они защищали эти отрасли таможенными барьерами, и теперь проделали то же самое в начале 20-х. Экспортные возможности Германии были таким образом сильно ограничены. Кроме того,

⁴ Согласно Адаму Фергюссону (When Money Dies. 1975, 2010). Джин Смайли приводит ту же сумму в марках, но долларовой эквивалент у него 31 млрд. (Gene Smiley. Rethinking the Great Depression. 2002). Золотой паритет марки и доллара, видимо, менялся.

В интернете (Википедия и не только) можно найти вдвое большую сумму reparаций: 269 млрд. золотых марок. Притом, в одних местах пишут, что это составляло 40 тонн золота, в других – 100000 тонн. При явном разном в тоннаже, таким данным, похоже, одна цена.

Согласно Кейнсу, первоначальная сумма reparаций составляла 138 млрд. золотых марок, из которых 6 млрд. приходились на уплату Бельгии. Итого, приходим к сумме 132 млрд. марок «на уплату пенсий и убытков гражданского населения». («Экономические последствия Версальского договора». См. Дж. М. Кейнс. Избранные произведения. М., 1993). Он определил реальную платежеспособность Германии в объеме 36 млрд. марок золотом.

в результате войны страна потеряла 90% своего торгового флота. И все немецкие капиталы за границей были конфискованы.

По Версальскому договору в целом Антанта оторвалась на всю катушку. Германия лишилась своих африканских колоний, ее собственная территория сократилась на 1/7, а население – на 1/10. Страна потеряла районы, критически важные для экономики: Эльзас – Лотарингию (железная руда и поташ), Верхнюю Силезию (цинк), Сев. Шлезвиг, порт Данциг. «Польский коридор» откусил богатый сельскохозяйственный район Познани. Всего Германия потеряла 14% обрабатываемой земли, включая 15% хлебных полей и 18% картофельных.

Фактически потерян был и Саар, так как Франция добилась права оккупировать «демилитаризованную» Рейнскую область и в течение 15 лет эксплуатировать угольные месторождения Саара (после чего будущее этой области предполагалось решить плебисцитом). Таким же путем должна была решиться судьба богатой углем Верхней Силезии, которая до поры отошла к Польше. Соответственно, Германия лишилась жизненно важных источников угля.

Также Версальский договор требовал сокращения армии Германии на четверть. Это означало появление на рынке труда около четверти миллиона демобилизованных и обозленных солдат.

Поначалу в Германии тешились надеждой, что смена режима в стране и появление правительства, которое не было ответственно за развязывание войны, приведут к разумным условиям мира. Однако условия мира были разработаны без консультаций с новым руководством Германии⁵.

Больше всех лютовала Франция. Ее требования лорд д'Абернон, британский посол в Германии, назвал «ошеломляющими». «Французы никак не могут решить, чего они хотят больше – получать платежи или наслаждаться, топча Германию... Ясно ведь, что они не могут иметь и то, и другое», – заметил Ллойд-Джордж, тогдашний премьер Британии.

⁵ Во время, так сказать, «борьбы за германское наследство» между странами Антанты в Версале маленькую делегацию Германии на заседания не допускали, и уже когда дело было сделано, им просто выдали на руки готовое решение.

Все сказанное выше означало конец надежд на восстановление экономики Германии в обозримом будущем. Никакой экономической помощи извне не предусматривалось. Стране, экономика которой была уже подорвана войной, потерявшей важнейшие источники топлива, сырья и продовольствия и глубоко погрузившейся в трясину за три года блокады в ожидании мирного договора, предоставлялось выкарабкиваться, вытаскивая себя за волосы, – только затем, чтобы выплачивать репарации.

Германия, хоть и в урезанных границах, сохранила все же свое территориальное единство, тогда как южного союзника ее Лига наций просто разодрала на части. На месте огромной империи Габсбургов (население: 50 млн чел.) появился целый букет государств: Австрия, Чехословакия, Югославия (оторвавшая от Империи Словению, Хорватию и Боснию), Венгрия, Румыния. Галиция отошла к Польше. Италия претендовала на Южный Тироль. Венгрия, воевавшая на стороне Германии, потеряла Трансильванию в пользу Румынии. Все это стало результатом доктрины президента США Вильсона о «праве наций на самоопределение».

Австрия тоже явилась новым государством. Исторически такой страны никогда не было. Новая Австрия стала республикой с населением в 6,5 млн человек, из которых треть приходилась на Вену. В столице новой маленькой страны осталась армия чиновников бывшей громадной империи. Отколовшиеся государства довольно скоро завели свои валюты и отгородились от Австрии таможенными барьерами.

Австрийская генеральная репетиция

Бывшая монархия была не очень готова к демократии, а конституция новой страны стала некой супердемократией. Распустить палату депутатов могла только она сама, ни премьер, ни президент этого не могли. Палата же простым голосованием назначала министров. Всеми делами заправлял какой-то постоянный комитет, не известно кем назначенный и с непонятными полномочиями.

Во главе страны засели австро-марксисты, бредящие социалистическими реформами. Их экономические познания ограничивались «Капиталом» Маркса.

Провинции игнорировали центр. «То были институциональные предпосылки для безмерной массы человеческого горя», –

резюмирует Фергюссон описание полититико-экономической обстановки в стране⁶.

Ввиду дефицита основных предметов потребления, социалистическое правительство не придумало ничего умнее, как ввести контроль над ценами, пытаясь держать их искусственно заниженными. Были также попытки реквизировать продукты питания. В ответ, провинции – источники продуктов питания и топлива – воздвигали внутренние таможи, стимулируя развитие контрабанды и черного рынка. Ничего поделаться ни с тем, ни с другим центр не мог – демократия.

Зато власти могли вводить все более высокие и высокие налоги на бизнес и средний класс. То, что называется: сила есть – ума не надо. Фискальную политику социалистов одна газета назвала «успехом налогового вампира».

Можно сказать, что в придачу ко всем несчастьям Австрии, вызванным войной, распадом империи и дезорганизацией экономики, добавилось еще и правительство социалистов.

Вершиной всех бед была инфляция. Понятно, началась она еще при Империи, с началом войны. В конце июля 1914 г. в обращении было 3,4 млрд крон, а к концу 1916 г. было уже 11 млрд крон. В октябре же 1918 г., за месяц до окончания войны, этот показатель вырос до 33,5 миллиарда. Так что общий рост денежного предложения от начала войны составил почти 1000%.

Индекс стоимости жизни за тот же период вырос со 100 до 1640. Килограмм лучшей муки в 1914 г. стоил примерно полкроны. В декабре 1918 г. нечто, отдаленно напоминающее муку, можно было купить на черном рынке по 22 кроны за кило.

С 1919 г. нештатным сотрудником правительства был Людвиг Мизес. Авторитет его в финансовых вопросах признавался, но реального влияния на денежную политику, он не имел, а его попытки предотвратить регулирование экономики правительством игнорировались. Все, что ему удалось, это убедить Отто Бауэра, с которым он был лично знаком по семинару Бем-Баверка, отказаться от мысли о перевороте по образцу большевиков. Не так уж и мало. Мизес нашел очень веские доводы к тому, что

⁶ *Adam Ferguson. When Money Dies. Public Affairs. NY, 1975, 2010.* Из этой книги, в основном, я брал цифры, приводимые в статье.

правительство большевистского образца не продержится больше нескольких дней.

Правительство социал-демократов, придя к власти, не только не думало о том, как остановить инфляцию, но продолжало печатать деньги, да еще ускоренными темпами. Всего к 1923 г. денежное предложение выросло до 7,1 триллиона крон.

В 1914 г. фунт стерлингов стоил 25 крон. К маю 1922 г., когда фунт мог купить еще 1200 немецких марок, его курс в отношении кроны был 1: 35000. Сбережения граждан обесценились.

В соответствии с количественной теорией денег, росли цены, особенно на черном рынке. С ноября 1918 г. по январь 1922 индекс стоимости жизни вырос до 1183600.

Главная тяжесть всех бед обрушилась на Вену. Жители столицы вырубали славный Венский лес на топливо для зим 1919, 1920 и 1921 годов. Сотни голодных детей побирались у отелей и ресторанов. Толпы безработных готовы были стать горючим материалом для беспорядков...

Почти половина бюджетного дефицита страны 1921 г. приходилась на содержание жителей столицы – главным образом, бюрократии. Многие люди свободных профессий, создававшие когда-то неповторимый интеллектуальный и культурный климат Вены, считали недостойным просить помощи от правительства, голодали и умирали. Подчас можно было видеть, как кто-то падает замертво на улице, что уже предвещает ужасы Ленинградской блокады.

Другие пытались выживать любыми способами. Когда-то законопослушные, теперь они уже не могли позволить себе соблюдать законы. Кто имел возможность, занимались спекуляциями, перепродажами или чем-то похуже. Уровень морали населения упал до низшего уровня.

Осенью 1922 г. Австрии была предоставлена международная ссуда с целью спасти экономику от полного обвала и восстановить денежное обращение. Ссуду гарантировала и экономику стала контролировать Лига наций, что означало фактически утрату суверенитета страны. В подготовке экономической реформы активное участие принимал Мизес. В 1925 г. крону заменил шиллинг из расчета 1 к 10 тыс. Началась стабилизация, затем рост экономики, который продолжался до 1929 г.

Происходившее в Австрии в 1918–22 гг. было генеральной репетицией того, что ожидало Германию.

Почему?

Грубо говоря, существуют две противоположные точки зрения на причины финансовой катастрофы, постигшей Германию в начале 20-х годов XX века. Самое распространенное объяснение: Антанта навязала побежденной стране громадные репарации, которые реально возможно было выплачивать только за счет печатного станка. Эта версия гуляет по интернету и нашла отражение в литературе. Более серьезные авторы включают платежи репараций в комплекс причин «внешнего давления» на Германию (потери территорий и ресурсов по Версальскому договору, политическое давление и военные меры союзников, особенно, оккупация Рура...). В целом, считает Грэм, «нельзя считать невероятным, что если бы не разрушительное внешнее бремя, государство могло бы управиться в своих попытках установить надежную систему государственных финансов, что обеспечило бы успех»⁷.

Совсем иное объяснение предлагает Людвиг Мизес. И сводится оно к простому факту: никто в тогдашней Германии – ни политики, ни специалисты по финансам – буквально не знали и не понимали самых основ экономической и финансовой науки. Это было следствием абсолютного засилья Исторической школы в университетах страны: науку экономику шельмовали и просто не преподавали. Вырастали целые поколения экономически неграмотных экономистов, банкиров, политиков, журналистов...

Ничего невозможного в этом нет, если вспомнить, *чему* учили будущих экономистов в вузах СССР. А сегодня – в некоторых университетах Америки...

Итак, действительно не было реальных вариантов, кроме наращивания выпуска необеспеченных банкнот, или варианты в принципе имелись, но руководство выбрало инфляцию? И какую роль во всем этом играла выплата репараций?

Начало

Для начала учтем, что правительство Германии составляли социал-демократы. Придя к власти в результате ноябрьской

⁷ Franc D. Graham. EXCHANGE, PRICES, AND PRODUCTION IN HYPER-INFLATION: GERMANY, 1920-1923. PRINCETON UNIVERSITY PRESS. NY, 1930, 1967.

революции 1918 г., они немедленно начали социальные преобразования. Вводились разнообразные льготы и пособия для калек, инвалидов, вдов, сирот, безработных, детей и стариков. Был установлен 8-часовой рабочий день. Профсоюзы и «рабочие советы» на предприятиях получили многие блага – вплоть до права голоса в вопросах зарплаты, найма и увольнения. Социальная защищенность граждан Германии была высока, как никогда. Того, что все сказанное было стране не по карману, и что за это придется заплатить неслыханной бедой для населения, никто не понимал. В этом Маркс мог помочь не больше, чем Историческая школа⁸.

Как и в Австрии, инфляция в Германии началась с началом войны. Но в первые послевоенные годы процессы в Германии шли несколько медленнее. К 1920 г. стоимость жизни, в сравнении с летом 1914 г., выросла почти в 12 раз. Для сравнения: в США – втрое, в Британии – вчетверо, во Франции – всемеро.

За тот же период расходы семей на еду увеличились с половины семейного дохода до трех четвертей. Для семьи из четырех человек (муж, жена и двое детей) питание стоило в апреле 1919 г. 60 марок в неделю, в сентябре 1920 г. – 198 марок, в ноябре 1920–230 марок. Определенные виды продуктов – такие как жир, ветчина, яйца, чай – с 1914 г. вздорожали в 30–40 раз.

Капиталы утекали за границу, там же оставалась и денежная выручка экспортеров. Государство субсидировало производство продуктов питания и иные отрасли, расценки на железнодорожные перевозки и добычу угля⁹. Одновременно правительство повысило зарплату государственным служащим, что стоило бюджету 10 млрд бумажных марок.

Состояние самого бюджета 1921 г. было неутешительным. Вместе с повышением зарплаты и предполагаемыми платежами Антанте, годовые расходы предстояли в сумме 113 млрд бумажных марок, тогда как доходы ожидалось в объеме около 90 млрд марок. И это по соотношению: 1 золотая марка = 13 бумажных,

⁸ На самом пике гиперинфляции, с августа по октябрь 1923 г., министром финансов Германии был Рудольф Гильфердинг, ведущий экономист-теоретик социал-демократии, автор книги «Финансовый капитал» (!). Как говорится, чего же боле?

⁹ Последнее осуществлялось за счет занижения ставок налогов.

а реальное соотношение тогда было уже 1: 22. Ну, а средство покрыть дефицит бюджета известно всем.

Налоги в совокупности были такими высокими, что не оставляли гражданам иного выбора, как не платить их вообще. Был налог на корпорации в 20%; налог на ценность любого имущества, добавленную между 1913 и 1919 гг.; налог на все формы капитала, взимаемый после уплаты предыдущего. Еще был 10%-й налог на не заработанный доход (приносил казне все меньше и меньше, так как такие доходы – ренты и пр. – сокращались ежедневно). Был еще обычный подоходный налог, величина которого росла автоматически при повышении зарплаты.

“К несчастью, труднее всего собирать налоги с тех, кто мог бы платить больше всех, – кто наживался на войне и особенно, торговцы контрабандой, которые обычно не ведут счетов», – писал английский наблюдатель.

Правительство рассматривало еще 15 других видов налогов, но новым налогам вряд ли благоприятствовали политические условия.

И в это время Лига наций приняла решение поделить Верхнюю Силезию между Германией и Польшей, что не только вызвало в стране новый взрыв возмущения во всех слоях, но еще больше понизило шансы Германии на оживление экономики.

Комиссар союзников в Рейнской области доложил о разговоре с обер-бургомистром Кельна. Тот сказал, что ему был предложен пост канцлера и что он выдвинул несколько условий. Среди них: возврат к 9-часовому рабочему дню, прекращение разговоров о национализации, полная власть самому подбирать министров. По его мнению, правительству нужны почти диктаторские полномочия, чтобы обеспечить программу интенсивного производства и неуклонно собирать налоги. Неприемлемым условием оказался 9-часовой рабочий день. Чиновника звали Конрад Аденауэр. (В 1933 г. он имел возможность отличиться: когда в Кельн пожаловал с визитом рейхсканцлер Гитлер, встречать его Аденауэр послал своего заместителя, при этом запретив вывешивать нацистские флаги.)

...Тем временем, в июне 1921 г. министром реконструкции стал Вальтер Ратенау. В середине месяца был сделан первый платеж репараций на сумму 50 миллионов фунтов стерлингов (0,75% общей суммы репараций).

Тем временем, к ноябрю 1921 г. доллар мог купить уже 250 бумажных марок, а фунт – 1040.

К концу февраля 1922 г. предстояло собрать 500 млн золотых марок для платежа репараций под угрозой французской оккупации Рура. Создавалось отчаянное положение, и была запрошена ссуда у Англии. Но тамошние банкиры отказывались помочь, пока Германия не приведет в порядок свои финансы. Хорошая идея, однако...

В рабочих районах уже было беспокойно из-за роста стоимости жизни. В населении распространялось убеждение, что промышленники и купцы наживаются на их бедах, и правительство с ними заодно. Обесценение марки разоряло средний класс. Однако, к удивлению английских наблюдателей, безработицы в Германии почти не было. В основном, потому что государство субсидировало предприятия, чтобы они не закрывались.

В ноябре Германию посетил Сэр Бэзил Блэккет, финансовый контролер британского Казначейства. Его подробный аналитический отчет об обстановке в стране заканчивался интересным выводом. Не следует думать, писал он, будто правительство проводит политику инфляции, разрушительную для любой страны, вынуждено или осознанно. *Причины тому – слабость и неопытность* (курсив мой – ЕМ).

В это же время во Франции были убеждены, что Германия блефует, намеренно манипулирует валютой, а на деле увеличивает свое благосостояние. Там были свои эксперты...

В конце ноября 1921 г. произошел «хлебный бунт» в Берлине, отозвавшийся по всей стране. Марка опустилась до 1300 за фунт.

Кто что видит

Все в Германии пребывали в убеждении, что финансовое несчастье было результатом требования непомерных репараций. Заметим, что был сделан пока только один незначительный платеж. Точно так же все верили, что даже временное облегчение репарационных платежей быстро поднимет ценность марки.

18 декабря 1921 г. собралась третья Лондонская конференция по репарациям. Следующий платеж, намеченный на февраль 1922 г., был признан невозможным. Тут же марка пошла вверх и достигла уровня 751 за фунт. Рейхсбанк усиленно покупал иностранную валюту. В Берлине и Мюнхене ценные бумаги в бумажных марках упали почти вдвое. Наблюдатели предсказывали, что эйфория чрезмерна и необоснованна.

По мнению лорда д'Абернона, канцлер Германии (премьер) Вирт мало понимает в том, что происходит с финансами страны.

Газета «Берлинер Тагеблатт» цитировала речь канцлера. По его мнению, причиной инфляции было падение курса марки. (О! – ЕМ) «Нас упрекают в фиктивном процветании, – говорил канцлер, – но это просто иная форма того, что случается в других странах. В Англии и Америке это принимает форму безработицы».

Еще Вирт сказал, что восстановление экономики Европы невозможно, когда ее восточная часть разрушена, и неспособность новых стран покупать заграничные товары распространяется на центральную Европу. Что вся надежда на то, что мир признает невозможность для Германии платить репарации. И что все проблемы связаны с состоянием мировой экономики.

Все понятно? Масса «объективных» причин, кроме собственной политики социалистического правительства. И поделаться – ну, ничего нельзя.

Положение со сбором налогов становилось все хуже. Все, кто как мог, ухитрялись подавать фальшивые отчеты. Недоверие к правительству продолжало расти. А профсоюзы просто требовали повышения зарплаты – без затей и каких-нибудь реформ. Момент для реформ был давно упущен.

Лондонская конференция представителей Англии и Франции в декабре так ничего и не решила. Было решено собраться еще раз в Каннах в новом, 1922 году. Собрались. Решили дать Германии мораторий на платежи в январе и феврале, но затем требовать взносов по 31 млн марок золотом каждые десять дней. Что тут скажешь?

На фронте дипломатии конференция прошла удручающе. Германия была унижена еще раз – Франция игнорировала прибывшего в Канны Вальтера Ратенау (теперь – министра иностранных дел). Когда же кому-то показалось, что французский премьер Бриан стал прислушиваться к мнению Ллойд-Джорджа, президент Мильеран отозвал его в Париж и взамен назначил Пуанкаре. Последний изложил свою позицию без обиняков: «Твердо подтвердить права Франции по Версальскому договору!».

Как вспоминал о нем Ллойд-Джордж: «Ему не нужна была конференция, он знал, как получить от Германии деньги – плеткой!.. Его не заботил справедливый мир. Он хотел сделать из Германии паралитика, не способного на агрессию в будущем».

Ну и как? Получилось?

Мало кто в стране понимал, что происходит и почему. Все кругом обсуждали курс доллара, но видели только, что он растет, не понимая, что это марка падает. Ежедневный рост цен на пищу и одежду считали искусственным, не связывая это с ростом предложения бумажных денег.

Типичным был взгляд, что цены растут, потому что растет паритет иностранных валют, паритет растет из-за спекуляции на валютной бирже, а там заправляют евреи.

Куда уж дальше, если взгляды на том же уровне бытовали и в Международной комиссии по репарациям. Когда между февралем и мартом 1922 г. марка упала с 900 до 1,4 тыс. за фунт, комиссия потребовала от Германии добыть 60 млрд за счет новых налогов. Они не потребовали стабилизации обменного курса. И не понимали, что повышать налоги можно хоть выше крыши, но как их собрать?

Точку зрения правительства о происходящем с маркой высказал в Рейхстаге Ратенау: неблагоприятный торговый баланс заставляет продавать за границу немецкую марку, это вызывает ее обесценение, отсюда падает ее золотой паритет, поэтому растут внутренние цены, вызывая рост ценности материалов и труда, и все это создает дальнейшие бюджетные трудности. При таких объяснениях, неудивительны его публичные заявления, что в описываемой спирали событий печатный станок никакой роли не играет, а все дело в неблагоприятном торговом балансе, что вызвано репарационными платежами.

Как видно, для Ратенау ничего не значило, что государство печатает деньги, чтобы оплачивать полную занятость, неумеренные субсидии промышленности, импорт и производство предметов роскоши – и все это при совершенно неэффективной налоговой системе.

«Большинство успешных бизнесменов заклинились на ереси, что только постоянное падение курса валюты может помочь Германии конкурировать на рынках, – пишет Фергюссон. – После них хоть потоп. Ни они, ни политики, ни банкиры – с удручающе малым исключением – не видели прямой связи между инфляцией и обесценением валюты. Однако печатные станки безудержно выпускали банкноты, и курс марки продолжал стремительно падать. Но политиков больше всего беспокоила опасность беспорядков, которые, по их мнению, неизбежно возникнут, если денег станет

“не хватать”. Они не видели, или намеренно игнорировали очевидную опасность, происходящую от продолжения инфляции».

Сползание в бездну

В принципе, нужны были меры довольно очевидные. Сбалансировать бюджет, чтобы остановить печатный станок. Прекратить субсидии промышленности. Наконец, пересмотреть таможенные пошлины и повысить эффективность сбора налогов. Реформы предполагали бы сокращение расходов государства. Это повлекло бы волну банкротств, закрытие множества фабрик, рост безработицы. Отмена субсидий отраслям означала бы рост цен на их услуги.

Через все это пришлось пройти через два-три года, но в гораздо большем масштабе и с гораздо худшими последствиями. И не социалистическому правительству.

Проведение таких реформ требовало поддержки населения. И это следовало бы сделать с самого начала. А теперь средний класс, чьи сбережения и доходы теряли ценность, правительству не доверял. Теряло оно и поддержку рабочих – они даже перестали ходить на выборы.

В первые три месяца 1922 г. ситуация заметно ухудшилась. Двухмесячный мораторий на платежи репараций смог лишь замедлить падение марки, но с приближением срока мартовских платежей (по плану: каждые десять дней!) она пошла вниз и продолжала падать весь март, так как было опасение санкций со стороны Франции.

Никаких платежей по репарациям в марте не было сделано, однако. В апреле в европейских финансовых кругах было решено созвать в Генуе международную конференцию для обсуждения мировых экономических проблем. Для Германии конференция особых новостей не принесла. Но последовало некоторое затишье на рынках.

В самой Германии ситуация складывалась так, что известным кругам промышленников инфляция стала выгодной. Они не могли держать резервы наличности из-за ее обесценения, и потому все, что невозможно было держать за границей, немедленно вкладывали в реальные активы. Они просто не хотели повышения ценности марки, ибо тогда все начнут обращать в наличность свои активы, и ценность их начнет падать. Тем более заинтересованы в инфляции были магнаты промышленности, такие как

Гуго Стиннес. Они могли позволить себе проводить операции в золотых марках. Падение бумажной марки сводило их долги в золоте почти к нулю. Поэтому Стиннес публично превозносил инфляцию как единственный курс, благоприятный «для страны и народа».

Таких же взглядов, однако, был и д-р Рудольф Хавенштайн, президент Рейхсбанка с 1908 г., хотя у него практически не было собственных интересов в промышленности. В апреле 1922 г. Комиссия по репарациям потребовала для Рейхсбанка автономии от правительства, полагая, что этим предложение денег можно будет отделить от влияния политики. «Это все равно, как доверить маньяку управлять психолечебницей», – писал лорд д'Абернон.

Они там не знали, что Хавенштайн делает все не по принуждению, а по убеждению. И убежден он был как раз в том, что обесценение марки никак не связано с наращиванием выпуска бумажных денег.

А в июне застрелили Ратенау. Он сумел завязать хорошие отношения в дипломатических и финансовых кругах Антанты. Ожидалось, что он сможет договориться о приостановке платежей по репарациям... И в Париже в это время провалились переговоры о займе. Марка, которая с апреля держалась ровно, сразу упала с 1300 за фунт до 1600, и еще за неделю – до 2200.

Даже само прибытие в Берлин Комиссии по репарациям вызвало панику, и марка упала до 2400 за фунт. До того можно было продавать за границей бумажную марку за твердую валюту, теперь уже марку не хотели принимать.

Цены подскочили необычно скоро. В течение июля месяца индекс цен по 98 наименованиям продуктов питания вырос с 9000 пунктов до 14000. С 1914 г. ценность минимума средств существования для семьи из 4 человек выросла в 86 раз, тогда как средняя зарплата – только в 36 раз.

В конце июля Комиссия по репарациям решила уехать на каникулы, отложив решение до середины августа. При этом, Пуанкаре послал в Берлин ноту, обвиняя Германию в злонамеренном уклонении от уплаты долгов и грозя «репрессиями».

Это произвело катастрофический эффект. Рост цен вызвал рост спроса населения на наличность. Никто не хотел принимать чеки, их неоплаченный объем накапливался в частных банках, а тем временем покупательная способность их падала. Отсюда последовала остановка работы множества бизнесов. Паника

охватила и рабочий класс – предприятия не могли выплачивать зарплату вовремя.

Частные банки больше не могли кредитовать промышленность и торговлю. Ничего, эту задачу взял на себя Рейхсбанк. Отныне ссуды бизнесу стали выдаваться даже на более щедрых условиях, чем делали частные банки. Это стимулировало спрос на кредиты, и к августу марка упала в сравнении с фунтом еще на 250%.

В июле печатники денег забастовали, но Хавенштайн вызвал штрейкбрехеров, и станки заработали. «Только наручники могут удержать руку, которая управляет печатным станком», – записал в дневнике д'Абернон.

Но печатание и доставка денег уже не могли обеспечить всю потребность в наличности в нужные сроки. Тогда вышел закон, который разрешал местным государственным властям и промышленным концернам выпускать (по лицензии и при вкладах активов) чрезвычайные денежные знаки, нотгелды (Notgeld), если Рейхсбанк был не в состоянии обеспечить своевременную поставку своих купюр.

Нотгелды гарантировались Рейхсбанком, но эти гарантии все меньше принимались во внимание. При возможности печатать деньги частным лицам – в период ускорения инфляции – прибыль ограничивалась только готовностью людей принимать их деньги. Так что все привело к еще большему росту массы бумажных денег в обращении.

Крупные концерны начали платить работникам частично марками и частично своими купонами. Муниципалитеты тоже начали выпускать свои валюты, поскольку самая малая отсрочка платежей означала обесценение зарплаты, и была чревата взрывами недовольства. Власти городов искусственно создавали занятость, опасаясь безработицы и беспорядков, подзуживаемых коммунистами.

А вот другая история. Государственный банк княжества Ольденбург выпустил «ржаные билеты», чтобы население могло сберегать ценность имеющейся марочной наличности. Эти «ржаные билеты» могли ходить как облигации и служить средством сохранения ценности марки в качестве как бы твердых активов. Достоинством билета была цена 125 кг ржи, выкуп обещан в 1927 г. с процентами в объеме цены 25 кг ржи на конец срока. Эмиссия была обеспечена резервами банка.

Ускоряющееся обесценение денег и рост цен вызывали стачки по всей стране – не только промышленных рабочих, но и работников в сфере услуг. Все требовали повышения зарплаты, и ее приходилось повышать, наращивая обязательства государства и, соответственно, объем предложения денег. Одно только повышение зарплаты государственным служащим на 38% в начале августа и государственным рабочим на 12 марок в час вызвало прирост расходной части бюджета страны на 125 млрд марок.

Уравновесить эти расходы приростом доходов государства было практически невозможно, кроме разве повышения тарифов на железных дорогах на 50% и цен на почтовые марки. Последние составляли в 1916 г., по категориям, 2 и 4 пфеннига, в конце 1922 г. эти величины стали 50 марок и 100 тыс. марок.

Литр молока стоил 7 марок в апреле, к середине сентября – 26. За тот же период пиво вздорожало с 5,6 до 30 марок за литр. Одно яйцо – с 3,6 до 9 марок.

Скольжение ускоряется

9 сентября власти объявили: за прошедшие десять дней было отпечатано новых купюр на 23 миллиарда, что составило 10% всего денежного предложения. Ежедневную продукцию печатных станков уже довели до 2,6 млрд марок и к концу месяца обещали повысить до 4 млрд марок. Да-да, не в год и даже не в месяц – именно в день... План был выполнен, и в октябре марка упала с 9 тыс. до 13 тыс. за фунт.

Кейнс писал 29 сентября в *Манчестер Гардиан*, что максимум репараций, которые можно реально ожидать от Германии составляет не более 2 млрд золотых марок в год (100 млн фунтов стерлингов). Все, что выше этой суммы, относится к царству фантастики, писал он, и еще не известно, будет ли выплачен этот объем. Французские требования 3 млрд в год он назвал основанными на заблуждении, будто чем больше Франция хочет, тем больше Германия может.

Кейнс считал также, что перед возобновлением платежей нужно дать Германии «передышку».

В октябре литр молока стоил уже 50 марок. Фунт масла, который в апреле стоил 50 марок, теперь стоил 480. Одно яйцо стоило уже 14 марок.

Другие октябрьские цены: расческа – 2 тыс. марок, рулон туалетной бумаги – 2 тыс. марок, пара детской обуви – 2,8 тыс.

марок, пара детских штанишек – 5 тыс. марок, дюжина кухонных тарелок – 7,8 тыс. марок.

Сама же марка достигла в октябре 18 тыс. за фунт стерлингов.

Ко всему сказанному добавилось еще кое-то: зарплата рабочих стала существенно отставать от роста цен. Президент страны Эберт обратился к лорду Керзону, тогдашнему министру иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа, с отчаянной просьбой продлить мораторий на репарации. Он писал, что условия жизни рабочего населения стали «совершенно невозможными» и что обвал экономики страны неизбежен. Письмо осталось без последствий.

Премьер Вирт по-прежнему не видел связи между печатанием денег и их обесценением. То же самое умонастроение царило в правительстве, парламенте, Рейхсбанке и прессе.

«Мнение, что наводнение бумажных денег есть реальный источник понижения их ценности, не просто ошибочно, но опасно ошибочно», – писала 16 августа газета *Воссихе Цайтунг*¹⁰. – Статистика показала, что обесценение марки вызвано понижением обменного курса». Ей вторила *Берлинер Бёрзен Кюрвер* («Биржевой курьер»): «Давно уже понятно, что печатание банкнот есть результат, а не причина их обесценения».

Короче, ветер дует потому, что деревья качаются.

При этом все видели и знали, что общая масса бумажных марок в обращении выросла с 35 миллиардов в декабре 1919 г. до 200 миллиардов в июле 1922 г., а фунт-стерлинговый эквивалент этой массы понизился с 193 миллионов до 83 миллионов.

Перед войной масса денег в обращении составляла 6 миллиардов марок и стоила 300 миллионов фунтов. «Конечно, о причине все еще можно было лишь гадать», – с иронией замечает Фергюссон. А лорд д'Абернон писал: «Чтобы втиснуть в головы властей правильное понимание, нужна не меньше, чем трепанация черепа».

В последние 9 месяцев 1922 г. доходы казны от налогов, пошлин ввозных и вывозных достигли 324 млрд марок, или 10 млн фунтов по текущему курсу.

Расходы правительства за тот же период достигли 1173 млрд марок, или 40 млн фунтов.

¹⁰ Знаменитая либеральная газета в Берлине с долгой и славной историей.

Перед Рождеством внутренняя ценность марки составляла 1/1723 долю от довоенной величины, а внешняя – 1/1923.

Численность SA – штурмовиков нацистской партии – созданных Гитлером в ноябре 1921 г. непрерывно росла и к концу 1922 г. составила 6 тыс. членов. Все большее число немцев видело в нацистах единственную надежду на экономическое улучшение. Все больше людей из среднего класса примыкали к ним.

Кувыркком в пропасть

11 января 1923 г. войска Франции (и немножко Бельгии) вторглись в Рурскую область, то ли в надежде, что это поможет Германии платить, то ли, просто чтобы отвести душу, уже не надеясь на платежи.

В тогдашних действиях Франции трудно искать какую-то последовательность. Эмоциональное начало явно брало верх над рассудком.

К этому времени Рурская долина обеспечивала 85% добычи угля в Германии и 80% производства стали и чугуна. С ней было связано 70% перевозок товаров и минералов. Ее население составляло 10% от всей страны.

Оккупация Рура лишила Германию последнего серьезного экономического ресурса.

На Рождество 1 фунт представляли 35 тыс. марок. На следующий день после вторжения это уже составило 48 тыс. марок, а к концу января – 227 тыс. марок, то есть, более 50 тыс. марок за доллар.

В эти дни Рейхсбанк выпустил первую банкноту номиналом в 100 тыс. марок. Ее покупательная способность составляла около 2 долларов, или 0,5 фунта. Уже была отпечатана и через три недели пойдет в обращение банкнота в 1 млн марок.

Еще раньше прославленный адмирал Альфред фон Тирпиц (1849–1930) сказал, что судьбе было угодно назначить Франции «историческую роль снова и снова сплачивать разрозненные силы нашей нации в единое целое».

В эти дни все немцы преисполнились решимости поддержать своих «братьев на Рейне». Мало того, почти полностью прекратилась «классовая борьба». Иные капиталисты и менеджеры Рура пошли на то, чтобы их арестовывали и сажали за отказ сотрудничать с оккупантами. К ним во множестве присоединились их

рабочие и служащие. Они немедленно стали национальными героями.

Массы немцев уверились в необходимости добиться перевооружения своей армии. Повсюду стали слышны старые патристические песни.

В помощь Руру собирали деньги и одежду. Стал ощущаться недостаток угля, но люди готовы были страдать от холода «за свое отечество». В самой области Рура практически все население отказалось работать. Поэтому вторжение, первоначально задуманное как административная мера, превратилось в подлинную военную оккупацию. На все административные и хозяйственные посты были назначены франко-бельгийские чиновники. На границе с остальной Германией были поставлены таможи, и вывоз угля туда был запрещен. Железнодорожное сообщение было прервано. Была перекрыта граница с Швейцарией. На арест мэра г. Эссен население ответило закрытием всех лавок и ресторанов и не открывало их, пока не начались репрессии.

Тех, кто оказывался работать, – мэров, полицмейстеров, таможенников, всевозможных местных чиновников, железнодорожников – выселяли из домов, многих изгоняли из Рура в Германию вместе с семьями. Даже восточный город Бреслау, у границы с Польшей, был переполнен беженцами. Всего за время оккупации было изгнано 147 тыс. чел., было ранено 2 тыс. чел. и 376 убито.

Пассивное сопротивление перерастало в активное. Начались подрывы на железных дорогах и мостах, сознательное повреждения ж/д сигнализации. Военные поезда французов пускали под откос, суда топили в каналах. Почти прекратились перевозки угля на запад. Возможно, диверсии не носили массового характера, но много ли нужно, чтобы нарушить транспортные потоки? Французы отвечали арестами, тюремным заключением и казнями.

Стала очевидно невозможной эвакуация войск без потери лица.

Конечно, на всем этом делали капитал экстремистские группы и движения. Гитлер лично явился в Рур для вербовки. Активно вели свою пропаганду и агенты большевиков.

Правительство Германии, которое все эти годы старательно поддерживало полную занятость в стране, ко всему прочему, должно было взять на себя содержание неработающего населения

Рура. Но было ясно, что на все не хватит никакой эмиссии, если марка будет падать дальше. Чтобы замедлить падение марки, на рынок были выпущены огромные массы иностранной валюты из запасов, предназначенных для репараций.

Понятно, что репарационные выплаты были приостановлены – как оказалось, лет эдак на 30 (ты этого хотел, Жорж Данден!).

К 20 февраля марка поднялась больше, чем наполовину (с 50 до 20 тыс. за доллар). Ощутилось снижение оптовых цен. Зато произошел резкий обвал на валютной бирже, так как эти меры спутали все расчеты спекулянтов.

Однако, никто и не думал умерять безудержную эмиссию. В течение февраля обращение банкнот увеличивалось на 450 млрд марок – *еженедельно*. Тем не менее, во весь март и две первые недели апреля марка держалась на уровне 100 тыс. за фунт. На это не повлияли даже бурные события, которые произошли в тот период:

Добавочные французские войска перешли Рейн, заняв Мангейм, Карлсруэ и Дармштадт.

Пришла новость: Япония разместила заказы на боевые корабли не в Гамбурге, а в Британии.

Французский франк обвалился до 66–77 за фунт (перед войной: 20–25).

В Баварии был подавлен путч.

Рейхстаг нервно обсуждал маневры 8 тыс. членов военизированных отрядов Гитлера в Мюнхене.

Правительство объявило о дефиците бюджета в 7 триллионов марок (70 млн фунтов) – в четыре раза выше, чем в январе того же года. Чем покрывался дефицит – понятно.

Неуверенность вызывала растущий спрос на иностранную валюту в стране. В такой момент, 18 апреля, Гуго Стиннес представил в Рейхсбанк вагон бумажных марок и в обмен затребовал в 93 тыс. фунтов стерлингов. Тогда поддержка марки прекратилась. За сутки она упала до 140 тыс. фунтов.

Золотой запас казны составлял еще в марте свыше миллиарда золотых марок (50 млн фунтов), что было бы достаточно для выпуска стабильной валюты.

К середине мая он сократился на 20% и продолжал уменьшаться – не только из-за поддержки бумажной марки, но также вследствие необходимости закупать за границей продовольствие

и британский уголь и отчаянных попыток поддерживать марку на зарубежных валютных биржах.

Конечно, этим пользовались спекулянты, закупаая иностранную валюту по искусственно пониженной цене, а потом продавая по текущей.

Цены опять пошли вверх. Решимость народа сопротивляться Франции не снизилась, но стала ощущаться усталость от пертурбаций и бедствий. В Рейнской области возникло движение сепаратистов. Их было мало, политического влияния они не имели, но это внесло свою долю неразберихи, чем пользовались коммунисты для разжигания дальнейших смут.

Поток беженцев в «метрополию» все больше нарастал, добавляя экономических и социальных проблем.

Во время первомайской демонстрации профсоюзов в Мюнхене Гитлер со своими штурмовиками попытался ее сорвать. Боя или драки не получилось – вмешался Рейхсвер. Но марка упала до 200 тыс. за фунт, а к концу мая – до 320 тыс.

Июня была выпущена первая банкнота в 5 миллионов марок.

До «борьбы за Рур» безконтрольная эмиссия диктовалась расходами государства, главным образом, ради предотвращения массовой безработицы и сопутствующих волнений. Полная занятость была абсолютным приоритетом. Теперь безработица в стране стала приобретать массовый характер, хотя дух единства еще предотвращал серьезные волнения. Но мораль в обществе продолжала идти вниз. Воровство и грабежи стали повседневными явлениями. Инциденты случались даже на Унтер ден Линден и Вильгельмштрассе (Берлин).

Снимали металлические платы с национальных памятников. Украли медные колокола с фасада британского посольства в Берлине. С крыш воровали свинец, из автомобильных баков отсасывали бензин. Металлы, бензин, парафин стали валютой на черном рынке, где царил бартер. Некто продавал ежедневно по одному звену из золотой цепочки для нательного крестика, и выручки хватало ему прожить этот день.

Рассказывали историю, как воры унесли из лавки чемоданы и корзины, где лавочник хранил деньги, вытряхнув все купюры на пол.

Участился грабеж иностранцев – у них была твердая валюта. И у них были еще свои трудности в приобретении товаров – например, никто не мог дать им сдачу даже с 5-долларовой купюры.

Цены росли уже не по дням, по часам. Кто-нибудь, пообедав в ресторане, мог получить счет на сумму, большую, чем был его заказ.

Человек покупал чашку кофе за 5 тыс. марок, и пока он ее выпивал, цена была уже 8 тыс. марок.

За месяц после 20 мая цена яйца выросла с 800 марок до 2400, литр молока – с 1800 до 3800, кило муки – с 2400 до 6600, килограмма свинины – с 10,4 тыс. до 32 тыс. марок.

В июне, перед лицом растущего недовольства населения, возобновилась поддержка марки. «6 миллионов [золотых] марок были потеряны для золотого запаса в конвульсивной и отчаянной попытке Рейхсбанка поднять марку – писал современник, – на сей раз, до 100 тысяч за доллар». Никакого эффекта не последовало, так как эмиссия продолжалась по нарастающей.

В середине июня в обращении находилось банкнот на 8 триллионов 564 миллиарда марок. К 21 июня в обращение поступало по 157 млрд. – в день.

И эмиссия все росла. За сутки 25–26 июня масса в обращении выросла почти на 1 триллион марок, а за сутки 26–27 июня – на 1, 5 триллиона.

К 28 июня марка соответствовала 170 тыс. за доллар, а общая сумма обращения составила 11 триллионов.

Наименьший номинал печатаемых банкнот стал 100 тыс. марок. Печатать деньги меньшего достоинства было просто невыгодно – они обходились дороже, чем сумма на них обозначенная.

Во второй половине июня стало совершенно необходимо удвоить зарплату чиновников и повысить пособия раненым ветеранам войны, вдовам, пенсионерам и безработным – в Рурской области и по всей стране. Беднейшие слои населения уже едва могли позволить себе купить хлеб.

В этих условиях все меньшее значение имели доходы казны от налогов. Привести их к темпу обесценения марки было невозможно. За два с половиной месяца расходы государства измерялись в 15,5 миллиона фунтов, а доходы – в 5 миллионов. Поступления от налогов с продаж (табак, пиво, вино, сахар, соль, игральные карты) не покрывали даже расходов на их сбор.

К концу июля появились банкноты в 10, 20 и 50 миллионов марок.

В ответ, рабочие потребовали платить им зарплату ежедневно. По стране прокатились стачки, демонстрации и беспорядки. Пресса открыто обсуждала возможность гражданской войны.

В Бреслау 20 и 21 июля банды, организованные коммунистами, устроили на улицах массовые беспорядки и грабежи. Тысячи человек были арестованы.

Во Франкфурте 24 июля прошли демонстрации «против наживы, капитализма и фашизма» с насилиями над прохожими и битьем витрин.

Более мирные демонстрации прошли в Лейпциге и Дрездене.

При стычках демонстрантов в Розенхайме (Бавария) и Потсдаме были убитые.

Забастовали судостроители в Гамбурге и судоводители на Кильском канале.

В августе все продолжалось. В Вильгельмсбурге вооруженные забастовщики убивали полицейских, в Гамбурге их швыряли в воду.

Во многих случаях активничали коммунисты. В мае 1923 г. III Интернационал обсуждал вопрос о восстании в Руре, но решили, что еще не время.

Курс марки опустился между 7 и 14 июля с 800 до 900 тыс. за фунт. 23 июля он составлял уже 1 миллион 600 тыс., а 31 июля – 5 миллионов за фунт.

Соответственно росли цены. Двигались они в такт с маркой, и понятно: марка вниз – цены вверх. Для удобства публики, в газетах ежедневно публиковались бюллетени о множителях, которые нужно применять к какому-то базовому уровню цен (какой уровень принят был базой, не понятно, да это нам и не важно). Например:

Трамвайный билет в одну сторону:	4 миллиона
Извозчик	400 тысяч
Книжный магазин	300 тысяч
Общие бани	115 тысяч
Медицинская помощь	80 тысяч

Словами Фергюссона: «Повседневная жизнь к тому времени усложнилась настолько, что требовались немалые математические способности только для того, чтобы удерживать вместе душу и тело».

Так как для разных отраслей и для разных категорий товаров были различные множители, можно себе представить, во что

выливался ежедневный поход в магазин. До пяти минут уходило только на расчеты цен, и еще столько же – на то, чтобы отсчитать купюры. Очереди становились все длиннее.

Такую же систему множителей правительство пыталось применить к налогам. Но пока индексы рассчитывались и публиковались, марка успевала уйти далеко вниз.

Проводилась также индексация разнообразных тарифов и сборов – с тем же успехом. Примером могут быть почтовые сборы.

Кстати, почтовая служба показывает еще и пример того, как правительство боролось за полную занятость. По признанию чиновников казначейства, если уволить половину служащих, почтовая служба могла бы работать гораздо эффективней. Так или иначе, почта не успевала за печатным станком, и убыток от нее составил 6 триллионов марок – вдобавок к зарплате миллионов лишних служащих. Похожая ситуация была и на железных дорогах.

Посол Германии в Лондоне попросился на прием к лорду Керзону и пытался всеми силами убедить его обеспечить наконец ссуду, чтобы финансировать закупки еды и топлива для ввоза в Германию. Керзон объяснил ему, что Британия ничего не может делать без Франции, формально все еще своего союзника. На прощанье Керзон спросил, собирается ли Рейхсбанк остановить печатные станки. На такой вопрос у посла не было ответа.

На дне

К 7 августа марка стояла уже на уровне 16 млн за фунт.

Другой стороной гиперинфляции была практическая невозможность своевременно обеспечить банкнотами множество локальных банков и предприятий, чтобы вовремя выплачивать зарплату, которая обесценивалась ежедневно и ежечасно. Нехватка денег стала повсеместной бедой. Во многих общинах иссякли запасы продовольствия.

Вдобавок ко всему, 10 августа опять забастовали печатники денег. Огромная толпа жителей Берлина, оснащенная корзинами и тележками, окружила здание Рейхсбанка, требуя банкнот. Вечером Берлин выглядел как осажденный город. Сельские округа практически прекратили всякое снабжение столицы мясом, яйцами и овощами. Усиливался страх беспорядков по всей стране, если зарплату не будут выплачены немедленно.

«Все, что можно было сказать про средство обращения, это то, что оно все еще обращалось; но оно не было уже серьезной мерой ценности и едва ли средством обмена», – замечает Фергюссон.

Эти деньги стали называть: «рубли Хавенштайна». Про дикую инфляцию в России было известно из газет...

Атаки на Рейхсбанк усиливались со всех сторон – главным образом, конечно, в связи с повсеместной нехваткой купюр (а вы что подумали?). Рейхсбанк принимал к сведению происходящее и старался, как мог. Круглосуточно работали 30 бумажных мельниц и 150 печатных фабрик с 2 тысячами станков, «непрерывно наращивая пургу банкнот, которая погребла под собой экономику страны» (Фергюссон).

Г-н Хавенштайн выступал, восхваляя *эффективность* печатной службы и выражая опасения по поводу «огромной опасности инфляции» от деятельности частных банков (которым было разрешено напечатать аж 15 миллиардов марок – всего, а не ежедневно, как делал он сам). Его миссия, сказал он, – освободить Германию от недостатка денег.

Нехватка денег была налицо. Не в последнюю очередь из-за необходимости кормить население Руре. Отчаяние охватывало все круги. Широко распространилось убеждение, что нарастающие беспорядки и дезорганизации в Руре и Рейнской области может вызвать поход французской армии на Берлин. И французы не торопились развеять эти слухи.

С пониманием того, что конец сопротивления в Руре будет означать не только политическую смерть, но также вероятно и физическую, затрещала правительственная коалиция. Нарастали взрывы насилия в Саксонии и Тюрингии, возглавляемые коммунистами, а в Баварии набирал силу и численность Гитлер.

Выступая в Рейхстаге 8 августа, премьер Куно сказал, что импорт придется сократить еще больше, налоги будут собираться «без колебаний», и национальное единство необходимо сейчас, как никогда. Его речь была плохо слышна из-за громкой ругани между коммунистами и социалистами, но наступила тишина, когда он стал говорить о Руре. Семь месяцев сопротивления, сказал он, показали миру, что Германия достойна уважения. При одобрительном молчании депутатов, он призвал к продолжению борьбы.

Это стало его последней речью как премьера. «Среди лавины бумажных денег, обваливающегося валютного курса, под угрозой всеобщей стачки и при всеобщем непонимании ноты Керзона, кабинет Куно пал» (Фергюссон).

Сообщение о ноте Керзона пришло буквально накануне. В ней говорилось, что у Франции нет права оставаться в Руре.

Кома

Премьером стал Густав Штреземан, лидер конституциональной, анти-социалистической Народной партии (Volkspartei). Первым делом, он широко опубликовал ноту Керзона. Это предотвратило угрозу всеобщей стачки и укрепило решимость народа продолжать «борьбу за Рур». На этом хорошие новости кончились.

Народ не доверял правительству. Каденция Штреземана не обещала быть легкой. Его стали обвинять в продолжении курса социалистов. Коммунисты и баварские «патриоты» все более выходили из-под контроля. Распространялись слухи, что назначение Штреземана означает капитуляцию перед Францией.

Гитлер очень усилился как ведущая фигура всех «сил реакции». В Мюнхене вопрос стоял только – отделиться от Германии или, наоборот, пойти маршем на Берлин. А в Штеттине, Любеке и других городах шли беспорядки, возбуждаемые коммунистами. По всей стране происходили также волнения рабочих.

Зато г-н Хавенштайн был на коне. «Никакая ситуация тем летом не была настолько плохой, чтобы д-р Хавенштайн не мог сделать ее еще хуже» (Фергюссон). Он твердо держался убеждения, что денежное предложение никак не связано ни с уровнем цен, ни с обменным курсом. Свою задачу он знал: обеспечить страну как можно большим количеством денег.

В речи перед Государственным советом 17 августа он сказал с гордостью: «Рейхсбанк сегодня выпускает ежедневно по 20 000 миллиардов марок, из которых 5000 – в крупной деноминации. На следующей неделе мы увеличим дневной выпуск до 46 000 миллиардов. Всего в обращении находится 63 000 миллиардов, так что вскоре мы сможем за один день выпускать две трети всего обращения».

Д-р Хавенштайн не имел представления не только о последствиях своей политики, но даже об эффекте даже только своего объявления. Перед его речью марка держалась на уровне 3 млн

за доллар (12,5 млн за фунт). В течение 48 часов она упала до 5,2 млн за доллар (22 млн за фунт).

«Никто не мог бы предвидеть столь неординарного откровения дурости, к которой может привести невежество и фальшивая теория», – докладывал лорд д'Абернон в Форин Офис. А в дневнике он записал: «По идее, в Государственном совете должны быть эксперты по экономике и финансам, однако никто этой политики не критиковал, и никто не назвал ее идиотской. Речь была широко освещена прессой и не вызвала ни возмущения, ни даже изумления».

Социалисты требовали смещения Хавенштайна, что уже само по себе делало это невозможным. К тому же ходили слухи, что он пользуется уважением в Лондоне, и его смещение помешает предоставлению ссуды. И кто-то же этому верил...

В каждом городе обычной картиной были пешеходы с корзинами денег. Между тем, в Берлине перестали ходить трамваи – из-за отсутствия средств.

22 августа вышла первая банкнота в 100 миллионов марок, но нехватка денег была повсеместной.

Множество фирм незаконно выпускали свои деньги, чтобы было чем расплачиваться. За апрель – август марка обесценилась в 200 раз, что привело к новому витку недополучения налогов.

Внезапно, 25 августа марка поднялась с 25 до 12,5 млн за фунт. По всей видимости, потому, что торговцев обязали обменять на марки их запасы твердой валюты для покрытия «Рейнско-Рурской жертвы». Это внесло сумятицу в цены, но продержалось несколько дней.

Хавенштайн был на стреме. В речи перед правлением Рейхсбанка 31 августа он «признал», что быстрое обесценение марки «естественно» вызывает повышенный спрос на деньги, который банк не всегда еще может удовлетворить.

Он обещал упростить процесс, в том числе путем печатания на одной только стороне купюры.

1 сентября он порадовал страну выпуском первой купюры в 500 миллионов марок. Чтобы купить 1 фунт стерлингов теперь требовалось 50 млн марок. Появилось новое числительное – «биллиард» (тысяча миллиардов, или миллион миллионов, – видимо, триллион).

А в стране нарастали силы профашистского толка. Их вдохновляли успехи Муссолини, который оккупировал о. Корфу, на-

плевав на Лигу Наций. Внутри страны очень кстати были полная неопределенность – что узнаем завтра? – и нарастание хаоса.

Все шире распространялось убеждение, что нынешнее государство – немощь, республика – убогость, и что необходима крепкая рука.

2 сентября в Нюрнберге прошла стотысячная демонстрация с Гитлером и Людендорфом на трибуне. Было объявлено о создании Немецкого Боевого Союза (Kampfbund) во главе с Людендорфом. Гитлер выступал по пять – шесть раз в день, обвиняя правительство в желании сдать французам честь Германии и призывая к национальной диктатуре.

Со своей стороны, коммунисты не упускали возможности использовать ситуацию. 9 сентября в Дрездене прошла демонстрация «сил самозащиты» коммунистов и социалистов. Из Штеттина донесли о планах установить диктатуру в Померании, Баварии и Восточной Пруссии.

Уже Радек в Москве и Зиновьев в Питере провозгласили лозунг «Руки прочь от пролетарской Германии». Мы-то знаем, что должно было последовать за этим лозунгом.

А в Рейнской области французы поддерживали сепаратистов.

Тем временем, в городах возникла реальная опасность голода – сельское население отказывалось продавать продукты за марки.

Кто мог, переходили на самообеспечение. Сперва в Руре и Рейнланде, а затем и в свободных областях страны появились банды мотоциклистов, которые наездами грабили крестьян, забирая все, что попадется.

Правительство тоже действовало. Посредством приостановки некоторых статей конституции, 8 сентября был назначен Комиссар по контролю за иностранной валютой с широкими полномочиями по изъятию оной везде, где может ее найти.

20 числа были проведены рейды по кафе и ресторанам на Унтер ден Линден и Курфюстендамм. Всех посетителей обязывали показать содержимое бумажников.

Было изъято 3 тыс. долларов, 36 фунтов, 373 голландских гульденов, 475 швейцарских франков, 200 французских франков, сравнимые суммы в датских, шведских, чешских, австрийских и венгерских кронах, эстонской, болгарской и польской валюте, и даже 500 советских рублей.

Что же делать? 18 сентября было объявлено о создании нового эмиссионного банка, Боден Кредит. Зачем? Его деньги – боден-марки – были гарантированы не золотом, которого уже почти не осталось, а закладными под сельские земли и промышленные предприятия. Цель была – вовлечь в торговлю сельское население.

Увы, намерения стабилизировать валюту при этом не было. Задумана была просто затычка. Печатные станки продолжали работать.

Уже вышли в обращение купюры в 10 и 20 миллиардов марок. Один только Рур требовал 50 млрд марок в день. Почти по столько же приходилось на почтовую службу и на железные дороги.

При этом, в Руре все спешили обменять марки на франки, так что эти ассигнования фактически поддерживали французскую валюту.

Рур стал непосильным бременем для правительства, да и моральный дух там падал. Но прекратить сопротивление, сохранив честь, было невозможно.

Правительство все больше теряло контроль над ситуацией в стране. Министры были вымотаны физически. 19 сентября была издана прокламация, грозящая суровыми карами за всякие запасы продовольствия, неуплату налогов и пр.

То был акт отчаяния, неэффективный и бесполезный. Сами министры и чиновники старались запастись, чем только можно.

26 сентября Штреземан приостановил действие семи статей Веймарской конституции и объявил чрезвычайное положение. Вся исполнительная власть была дана министру обороны Гессеру, а на деле военным диктатором стал главнокомандующий Рейхсвера генерал фон Зеэкт. Германия была разделена на семь военных округов, и во главе каждого поставлен местный военный диктатор.

Одновременно президент Эберт объявил о прекращении сопротивления в Руре.

Агония

«Сильная рука», наконец? Ограничены личные свободы, свобода прессы, свобода ассоциаций... Армия и полиция могли вмешиваться в телеграфную, почтовую и телефонную службы, делать обыски в домах и конфисковывать собственность. За неповиновение могла грозить тюрьма или штраф до 15 тыс. золотых

марок. За убийство – смертная казнь, также как за акты саботажа на железных дорогах, поджоги, предательство и организацию вооруженных банд.

Похоже на то, что население в целом приняло такой режим, и что порядка стало больше. Фон Зеэкт быстро обезвредил путч в Кюстрине, распустил Черный Рейсвер и эффективно подавил левых в Саксонии.

В Баварии было сложнее. Тамошние лидеры уже расспрашивали Бенеша (тогда – министра иностранных дел Чехословакии) насчет практических шагов к объявлению независимости.

В это время Гитлер созвал по тревоге свои 15 тыс. штурмовиков и провозгласил себя лидером Боевого Союза. Неизвестно, планировал ли он тогда реальный переворот. Но лидеры Баварии не стали ждать, чтобы выяснить это. В королевстве было объявлено чрезвычайное положение. В нарушение конституции и Версальского договора учреждена была должность Генерального Комиссара с диктаторской властью, и назначен таковым был Густав фон Кар, противник республики. Кар сумел осадить зарвавшегося Гитлера. Тут же из Берлина Гесслер назначил местного командира Рейхсвера фон Лоссова официальным комиссаром от правительства республики, а Кара – его заместителем. Все как бы утряслось.

«Сильная рука» смогла приглушить политические страсти, но не могла решить экономические проблемы Германии, потому что корнем их была сумасшедшая инфляция. И все, что могло идти хуже, – шло хуже и хуже.

В последнюю неделю сентября Рейхсбанк выпустил, как пишет Фергюссон, «3267 миллионов миллионов марок». Сколько это? Как ни считай нули, это составляло по курсу дня 5,2 миллиона фунтов в день.

Но конечно, на том уровне марка не задержалась и опять ухнула вниз. Если 11 сентября ее курс к фунту был 315 млн, то ко 2 октября это было уже 1,5 млрд, а 9 октября – 5,7 миллиарда марок за фунт.

Понятно, как сильно должна была обесцениться заработная плата. Конкретно, средняя покупательная способность ее в октябре составляла 20% от нормы.

Зачем фашисты, коммунисты и прочие экстремисты? Революционная ситуация назревала без всякой пропаганды, потому, что жизни не стало. С суммой меньше миллиона просто делать

было нечего. Даже нищий не примет меньше, доносил Керзону лорд д'Абернон.

А ведь людей еще поддерживало ощущение гордости от сопротивления французам. В каждой витрине, в каждом окне еще висели плакаты с призывами стоять до конца, жертвовать в фонд помощи Руру, или просто картины избиения немцев французами.

Безоговорочная капитуляция напомнила о поражении в войне и означала, что все жертвы, лишения, страдания были напрасными. Все это усиливало презрение к правительству и самой республике. «Население созрело, – писал д'Абернон другу, – чтобы принять любую жесткую систему или любого человека, который покажется знающим дело и сумеет командовать громко и уверенно». На дворе еще только 1923 год...

Безысходность для рабочих усугублялась тем, что стачкой ничего нельзя было добиться – она лишь на руку нанимателям. В начале октября Штреземан предпринял наступление на восьмичасовой рабочий день. Бизнес до сих пор не мог смириться с этим завоеванием революции 1918 г. Тогда закон провели социал-демократы, и теперь их министры отказались поддержать предложенную меру и ушли в отставку. Правительство пало.

Новое правительство сформировал тот же Штреземан, и оно было более правым. Главной целью виделся рост производства промышленности, в связи с чем нужно было заставить рабочих трудиться больше. «Марксизм разрушил Германию, – объявил Штреземан. – нужны компромиссы, так что социалистам не место в правительстве».

Профсоюзы протестовали (возможно, с подачи засланцев из Профинтерна¹¹). Их лозунги были: «Следуй указаниям своей организации!.. Долой врагов рабочего класса! Да здравствует Республика!» Но отклика в сердцах они не находили. Рабочие уже склонялись в пользу авторитарной власти, им вообще было не до политики, их классовый энтузиазм сник в условиях, когда главной заботой было повседневное выживание. Конец сопротивления в Руре они приняли спокойно. Акт о 9-часовом рабочем дне стал законом.

¹¹ Если кто забыл: это близнец Коминтерна, созданный в Москве, чтобы прибрать к рукам профсоюзное движение на Западе.

«Кельнише Цайтунг» 30 сентября опубликовала декларацию о возвращении на работу для подписания всеми работниками Рура – как бы клятва служить Французско-Бельгийским оккупационным властям. Всесторонняя помощь Руру была приостановлена, но правительство взяло на себя оплату пособия безработным – вдвое больше, чем в остальных частях страны – правда, до 1 ноября, после чего суммы должны были уравниваться (в размере меньше половины прожиточного уровня). Вскоре власти призвали железнодорожников Рура возобновить работу.

Кроме политической и нравственной сторон, была еще и экономическая. И с этой стороны сдача позиций в Руре породила новые проблемы. Германия должна была оплачивать возобновляемые поставки угля во Францию, да и вообще... А где деньги, Зин?

10 октября официальный курс фунта был 7 миллиардов марок. А на свободном рынке – 18 миллиардов.

К 15 октября эти цифры выросли, соответственно, до 18,5 и 40 миллиардов.

Ну и рост бедности... голод..., а теперь еще – холод... В тот же день был издан указ о создании Rentenбанка (переименованный Бонденбанк) и об эмиссии Rentenмарки. Это было нечто, подобное «Ржаной марке». Изобрели эту схему новый министр финансов д-р Ганс Лютер и управляющий банка Дармштадта д-р Ялмар Шахт.

Предполагалось, вроде бы, освободить Рейхсбанк от обязательства финансировать правительство. Но каким образом? Это не был новый эмиссионный банк, и не было иных банкнот для замены старых. Возможно, не все было сделано, как задумано... Больших надежд никто и не питал. Директорат Rentenбанка сплошь представляли интересы промышленников, крупных землевладельцев и прочих, кто наживался на инфляции и не платил причитающихся налогов.

А ситуация становилась все более неопределенной, все более чреватой неожиданностями.

Совершенно неясной была ситуация в Баварии. С одной стороны, там попржижали Гитлера, с другой – практически перестали выполнять распоряжения центра.

В Бремене войска с пулеметами патрулировали улицы в связи с очередной напрасной забастовкой прядильщиков и докеров.

Как и во всей провинции Ганновер, здесь безработица росла со скоростью 10% в неделю, цены росли тоже.

24 октября Бременский сенат самостоятельно решил выпустить «золотые» банкноты на сумму 1 миллион долл. Не в марках! Банкноты номинировались в долларах: один, половина, четверть, даже в 5 и 10 центов – чтобы люди не путались с разменом и сдачей. Это сопровождалось выпуском золотых сертификатов, которыми платили часть зарплаты, и которые могли быть, в пятимесячный период, обращены либо в Бременские государственные облигации под 5%, либо в марки Рейхсбанка по курсу биржи Нью-Йорка. Банкноты в 1 доллар свободно обменивались на марки по курсу (и без налога на обмен). Эта местная, так сказать, финансовая реформа поддерживалась всеми ресурсами и доходами богатого города Бремен.

Риск этой реформы состоял в возможности действия Закона Грэшема: «При параллельном обращении двух неравноценных валют, плохие деньги вытесняют хорошие».

Обычно Закон Грэшема проявляется в том, что хорошие деньги люди припрятывают и копят. Но не в тех обстоятельствах. Людям не хватало средств на самые насущные нужды, марка утратила всякую ценность в обыденном смысле. Так что простому человеку придерживать новые деньги было и невозможно, и не к чему. А для розничных торговцев более-менее устойчивая валюта была просто панацеей. К тому же, теперь им стало не нужно делать к ценам надбавки, которыми они заранее страховали от обесценения свою выручку. Поэтому обозначилось некоторое понижение цен. Всем было выгодно оперировать хорошими деньгами, и они стали вытеснять из обращения плохие.

В более спокойные времена Бременский эксперимент мог бы стать моделью для других провинций. Однако политическая ситуация продолжала ухудшаться. Возникла реальная перспектива дезинтеграции страны. Угроза сепаратизма стала реальной в Пруссии, Саксонии, Баварии, Рейнской области. Обнаружился даже «заговор Гвельфов» за отделение Ганновера.

В Рейнской области складывалось угрожающее положение. Там сепаратизм набирал силу, что проявлялось в росте численности маршей и беспорядков и все более активной пропаганде. В Дюссельдорфе 30 сентября сепаратисты собрали 20 тысяч человек (в основном, подвезенных французами на поездах, в то

время как местное население заперлось в своих жилищах). Толпа пошла по улицам. Было убито 11 полицейских.

В следующие три недели произошли еще беспорядки в разных городах, и все увенчалось тем, что 21 октября в Аахене (Бельгийская зона оккупации Рура) была провозглашена Рейнская республика.

Немедленно последовала резкая нота Керзона правительству Бельгии. Но тут в игру вступили французские войска, и по провинции пошло «триумфальное шествие сепаратизма». В Бонне, Трире, Висбадене и Майнце (все – французская зона) появились местные правительства сепаратистов.

То, что все это была игра Франции на бедствиях населения, которое в массе держалось в стороне, сказалось немедленно. Германские гражданские службы наотрез отказались сотрудничать с марионетками. Лидеры новой республики перегрызлись между собой. И скоро весь режим обвалился.

Одновременно с этими событиями, опасно осложнилось положение в Гамбурге. Началось с недовольства населения тем, что выданная зарплата немедленно обесценилась вследствие очередного падения марки 15 октября. В этот день она перешла рубеж в 18 млрд за фунт. И в тот же день тамошние власти ликвидировали хлебные карточки, позволявшие бедным покупать хлеб по цене вдвое ниже рыночной. Снова началась стачка судостроителей и докеров, отнюдь не мирная. Толпы громили полицейские участки и продовольственные лавки, валили на улицах деревья, копали траншеи. Только что были подавлены аналогичные волнения в Кюстрине. Все эти беспорядки были организованы и подстрекались коммунистами.

Правительство действовало решительно. В Гамбург прибыл крейсер «Гамбург» в сопровождении торпедных катеров. Высадившаяся морская пехота подавила бунты, было арестовано 800 левых активистов.

Больной, скорее мертв, чем жив

Тем временем, д-р Хавенштайн исправно делал свою работу на благо Германии, как он это понимал. К 21 октября марка продвинулась за три дня с 24 до 80 млрд за фунт.

К концу месяца общая сумма денег в обращении составила 2496822909038000000 марок. Кто сумеет прочитать это число?

Два с лишним квинтиллиона? Сумма, утратившая всякую связь с нашим воображением.

И конечно, всем еще больше не хватало денег. В Берлине уже несколько дней не было хлеба, потому что у пекарей не было муки. У Рейхсбанка 26 октября собралась огромная толпа, требующая банкнот в миллиард марок. Как только они печатались, их немедленно увозили на тележках.

К 1 ноября были готовы первые банкноты в один «биллиард», 5 «биллиардов» и 10 «биллиардов» марок. «Биллиард» – это триллион, кажется?

Индексы цен и зарплаты перестали работать из-за скорости обесценения валюты. Зарплата рабочего в 405 миллионов марок, выданная 1 октября, была эквивалентна 6 шиллингам и 8 пенсам английской валюты, а 20 октября (курс фунта – 80 млрд марок) зарплата в 6,5 миллиарда марок была равноценна примерно 7,5 пенсам. Зато цены росли в темпе обесценения марки.

По всей стране продолжались увольнения, и росло число безработных. В том же Гамбурге численность безработных составляла 100 тыс. человек.

В Руре ситуация была хуже всех. Туда пришлось переправить из Гамбурга морпехов с крейсера «Гамбург», что стало возможным потому, что тамошнее население испытало облегчение от давления коммунистического мятежа.

Везде росло также число занятых неполную неделю. Обычным явлением стало, что скудные пособия по безработице вообще не доходили до многих, кому они причитались.

В ноябре Штреземан сказал д'Абернону, что скоро 5 миллионов человек останутся без работы, без пособий и, в значительной мере, без продовольствия. Предъявленное Францией требование налога на уголь – как условие нормализации – оплачивать было нечем.

Рейнскую область охватил полный хаос – там царили беззаконие, анархия и террор вооруженных банд сепаратистов, которые захватывали муниципалитеты и открыто не подчинялись полиции.

По всей стране марку практически перестали принимать в уплату.

В Саксонии министр-коммунист д-р Зайгнер провозгласил красную диктатуру и отклонил ультиматум Берлина.

30 октября марка стояла (скорее, лежала) на уровне 310 миллиардов за фунт.

Финансовый хаос, кризисы в Баварии, Саксонии и Рейнланде, возобновление работы в Руре – проблемы наплывали одна на другую. От успеха переговоров с Францией о Руре зависела судьба дальнейших переговоров с Нью-Йорком о ссуде для импорта топлива и продовольствия.

При этом обнаружилось, что Гитлер собирает своих штурмовиков на границе с Тюрингией (при моральной поддержке в Бранденбурге и Померании), угрожая вступить в союз с коммунистами-повстанцами. Правда, военному генеральному комиссару в Саксонии были посланы войска, и он сумел справиться с «красной диктатурой». Зайгнер и его министры были арестованы. Это вызвало возмущение социалистов в Рейхстаге, назревал очередной кризис кабинета.

5 ноября военная акция в Саксонии завершилась, и войска Рейхсвера были переправлены в Тюрингию, что усилило протесты социалистов в Рейхстаге.

Германия испытывала настоящий голод, в то время как амбары фермеров ломались от продуктов. 6 ноября в беднейших кварталах Берлина начался грабеж продовольственных лавок, с сильным привкусом антисемитизма.

Во всех продовольственных лавках Цюриха висели плакаты: «Шлите продукты своим друзьям в Германии!». Совсем плохим становилось положение средних и профессиональных классов населения.

В принципе, существовали два выхода: «абсурдный» и «непостижимый» (Фергюссон). Это: продовольствие из-за границы или стабильная валюта, которая побудит фермеров продавать свои продукты.

Операция в Тюрингии немного «придержала крышку над бурлящим котлом Баварии». Гитлер надеялся было, что борьба с коммунистами в Тюрингии и Саксонии приведет к походу баварских войск на Берлин (по примеру марша Муссолини на Рим), но эти надежды пришлось оставить, так как чаша в Мюнхене клонилась к сепаратизму.

Кар и Лоссов играли с возможностью провозгласить отделение Баварии как независимой монархии. Понятно, Гитлера это не устраивало. Опасность такого хода, как и необходимость что-то делать, чтобы оседлать революционную ситуацию (нака-

лявшуюся после прекращения «Борьбы за Рур»), подтолкнули Гитлера на его путч.

Вечером 8 ноября Кар держал речь перед 3 тысячами слушателей в пивном ресторане Бюргербройкеллер. Туда заявились вожди нацистов с 300 штурмовиками и с пулеметами.

Гитлер выстрелил в потолок, чтобы стих шум, впрыгнул на стул и крикнул: «Национальная революция началась!» О самой речи Гитлера наблюдатель потом сказал, что он вывернул аудиторию наизнанку, как перчатку. Закончил Гитлер словами, что эти действия направлены не против полиции или Рейхсвера, а только «против еврейского правительства в Берлине и преступников ноября 1918 года». Когда он крикнул, может ли рассчитывать на поддержку, зал взорвался одобрением.

Публика собралась слушать Кара, и можно представить, что состояла она отнюдь не из люмпенов или даже рабочих. Это был средний класс и выше.

Путч провалился наутро из-за плохой организации и из-за стойкости батальона солдат, верных присяге. Когда Людендорф повел около двух тысяч штурмовиков на Министерство обороны, солдаты охраны открыли по ним огонь. Войско нацистов рассеялось. Ранены были, в числе прочих, Геринг и Гитлер. Потом пошли аресты. Из-за зала, где все началось, появилось потом название «Пивной путч».

Эти 24 часа были критическими для правительства и республики. В Померании и Восточной Пруссии сильно выросли симпатии к Гитлеру, и гражданская война, не ограниченная территорией Баварии, была реальной угрозой.

Что сказать еще? Только что вышла в обращение банкнота в 100 «биллиардов». Это самая высокая номинация, когда-либо напечатанная до того (и после того).

Фергюссон дает цифру в 100 000 000 000 000 марок и читает ее как «100 биллионов согласно принятому в Германии и Британии словоупотреблению». Как кажется, по принятому в России, это 100 триллионов. Одна банкнота.

Каждую неделю, пишет Фергюссон, сумма денег в обращении увеличивалась «на 74 миллиона миллионов миллионов марок» (что хотя бы понятнее «биллиардов» и «биллионов»).

Индекс стоимости жизни тоже рос неслабыми темпами. Принимая за 1 уровень 1914 г., он оценивался, в среднем, в сен-

тябре – 15 миллионов, в октябре – 3657 миллионов, а на 12 ноября – уже 218 000 миллионов.

За первые десять дней ноября расходы государства достигли величины 6 квинтиллионов, что в тысячу раз превосходило сумму доходов казны. Текущий долг вырос в 15 раз.

Бюджетные оценки на каждой странице сопровождались напоминанием в скобках, что все цифры даются в квадриллионах.

С 10 ноября пошла забастовка газетных печатников. Нет газет – нет новостей. Каковы сегодняшние цены? Какой паритет марки к фунту? Что происходит в провинциях? А что, Бавария уже отделилась? Каковы последние распоряжения правительства? Никто ничего не знает. Все это усиливало страхи, слухи и панику.

12 ноября марка упала до 6 триллионов за фунт. Чиновникам Министерства финансов частично платили жалование картошкой. Приближался момент, когда правительство будет вообще не в состоянии платить зарплату армии, полиции и своим чиновникам.

Последствия того, что армия и полиция останутся без денег, легко представить. Это погрузило бы Германию в беспредельный хаос «борьбы всех против всех» – бунты и путчи, разгул бандитизма, кровопролития, голод, массовое вымирание населения. Перспектива дезинтеграции страны была довольно реальной.

Общую ситуацию в Германии в ноябре 1923 г. можно было бы назвать так: вялотекущая национальная катастрофа, на глазах переходящая в скоротечную.

Спасти страну могло только чудо.

Конечно, зная о том, что произошло в последующие десятилетия, можно было бы сказать – ну и черт бы с ней, не лучше ли было бы иметь на месте Германии конгломерат мелких княжеств?

Может, и лучше. Но, во-первых, никто не знает, что бы из этого вышло, – не исключено, что тот же хрен.

А во-вторых, оно таки пришло.

Чудо

13 ноября Комиссаром Минфина по национальной валюте был назначен д-р Ялмар Шахт.

Не иначе, где-то очень высоко над нами было решено дать немцам шанс. Иначе трудно объяснить последующую цепь невероятных совпадений, притом сплошь благоприятных.

В тот же самый день Рейхсбанк самостоятельно решил приостановить дисконтирование (возмещение) расходов казначейства.

Вспомним, что превышение государственных расходов над доходами (вернее, покрытие дефицита) было первопричиной инфляции денег, начавшейся еще в 1914 г. Теперь это прекратилось.

Правда, остановить раскрученный маховик гиперинфляции было невозможно физически. По-прежнему везде наблюдалась острая нехватка денег, и дальнейшая эмиссия была неизбежной. Марка шла 15 ноября по курсу 12 триллионов за фунт, а 20 ноября ее курс был уже 18 триллионов.

За эти пять дней номинальная ценность общего денежного предложения удвоилась, и реальная ценность бумажной марки составила ровно одну триллионную от золотой марки.

Очень важный момент. Предполагалась попытка стабилизации национальной валюты, но единственным законным средством платежа все еще была бумажная марка. Если бы ее решили стабилизировать 15 ноября – при тогдашнем соотношении к золотой марке, – для всех пересчетов нужен был бы неудобный коэффициент 1,66 (с нулями, естественно). А теперь, при указанном соотношении на 20 ноября, для пересчетов довольно было просто вычеркнуть 12 нулей.

Итак, один триллион бумажных марок стал эквивалентен золотой марке. А золотая марка эквивалентна рентенмарке. Дело оставалось за малым...

Как в старом анекдоте: наша Циля уже согласна на брак, осталось только уговорить графа. В данном случае, рентенмарка была готова занять место нынешней марки. Оставалось только, чтобы ее приняло население. Это был исключительно вопрос доверия к новой валюте и к государству.

Поначалу вся затея рентенмарки была придумана, чтобы вытащить продовольствие из амбаров на городские рынки. Теперь ей была уготована гораздо более серьезная роль. Министр финансов Лютер, сказал, что Шахт начал строить дом с крыши.

Золотые и валютные резервы казны были истощены «Борьбой за Рур», для поддержки новой валюты их было совершенно недостаточно. Так что рентенмарка гарантировалась закладными под землю и облигациями немецкой промышленности, торговли, банковского дела, транспорта – на общую сумму 3200 миллионов золотых марок, или 160 миллионов фунтов стерлингов. Максимальная номинация рентенмарки была 2400 миллионов.

Рентенбанк был частным, не зависимым от Рейхсбанка и от государства. Он выдал правительству кредит в размере 1200

миллионов рентенмарок, в том числе 300 миллионов без процентов для уплаты текущего долга. Взамен, правительство обязалось не дисконтировать облигации казначейства в Рейхсбанке. То есть, больше не стимулировать выпуск марки для покрытия расходов правительства, как это имело место все предыдущие годы.

Но выпуск денег Рейхбанком, как говорилось, остановить было невозможно. За пять дней после 15 ноября бумажная марка потеряла еще половину своей ценности. К этому времени правительство уже имело через дисконтирование своих расходов сумму в 320 миллионов золотых марок, и новое падение марки снизило ценность этой суммы до 192 миллионов.

Мгновенно испарился государственный долг. Все кредиторы государства тут же потеряли свои активы. То были держатели облигаций военного займа, гаранты ссуд под недвижимость, обладатели полисов страхования жизни, вкладчики сберегательных банков, держатели сертификатов на возврат таможенных пошлин и прочие, и прочие, кому государство было что-то должно. Общая сумма их потерь оценивалась в 10 миллиардов фунтов.

Все, кто еще на что-то надеялся и полагал, что обеспечен «на черный день», были ограблены и оставлены голыми на морозе. «Громаднейшая экспроприация целых классов общества, когда-либо произведенная в мирное время», – назвал эти события Константино Брешиани-Туррони, экономист, член Комиссии по репарациям¹².

Наблюдатели со стороны были поражены тем безразличием, с каким средний класс, профсоюзы, сберегательные банки и все остальные восприняли утрату своих сбережений. Люди настолько устали отчаиваться? Или большинство просто не понимало, что случилось? Так или иначе, все прошло абсолютно спокойно.

«Они приняли крушение надежд с не меньшим стоицизмом, чем первые болезненные симптомы экономического оживления – тяжелые налоги и массовую безработицу», – писал в Лондон д'Абернон год спустя.

В таких условиях была запущена рентенмарка, успех которой был целиком поставлен на карту всеобщего доверия. Это был

¹² Аналогичное произошло в России в 1991-92 гг. Реформы Гайдара вызвали высокую инфляцию цен, и сберегательные вклады населения обесценились.

покерный блеф. Реальная ценность закладных и других гарантирующих активов была неясной, если не призрачной.

От мошеннической аферы эта затея отличалась тем, что в случае успеха ожидался выигрыш для всех.

Самое интересное, что затея увенчалась успехом.

Хотя никто толком не мог объяснить, как и почему это произошло, это произошло. Эмиссия марки продолжалась, ее количество в обращении росло, *но она перестала падать дальше*. Марка оставалась стабильной!

Наблюдался отчаянный недостаток наличности, который Rentenbank, даже на максимуме своих возможностей мог бы покрыть едва ли на треть. В обращении находились сотни легальных и нелегальных видов местных валют (нотгелдов). Общий объем их оценивался в 1 миллиард золотых марок. А еще ходили иностранные валюты, по оценке, на общую сумму 2 миллиарда золотых марок. Значит, все это было нужно людям для денежных операций. Значит, все это следует учесть, и все придется заменить вместе с бумажной маркой.

К 30 ноября поступили в обращение 500 миллионов рентамарок. В январе 1924 г. к ним добавились еще 1000 миллионов, и к июлю еще 1800 миллионов. Все это было добавлением к массе бумажных марок в обращении.

Последняя величина составляла 30 ноября 1923 г. 400 квинтиллионов. Через четыре месяца, концу марта 1924 г. их было уже 690 квинтиллионов, а в июле – 1211 квинтиллионов (1,2 секстиллиона), и все это равнялось 70 миллионам фунтов – две трети от суммы рентамарок в обращении.

Но марка больше не падала.

«Стабилизация немецкого средства обращения была достигнута не через экономический спад или прекращение эмиссии законных денег. Напротив, объем законной валюты значительно возрос», – отмечал позже Брешиани-Туррони.

Так что же с рентамаркой? Ее статус был совершенно необычным. Формально, это не были законные деньги, но их объявили «законным средством платежа». Фактически, рентамарка ходила как параллельная валюта.

Рентамарку нельзя было обратить ни в золото, ни в сельскохозяйственные или промышленные активы (которые как бы ее гарантировали). Правда, за 500 рентамарок можно было купить одну облигацию номинальной ценностью в 500 золотых марок.

Законной денежной единицей все еще была бумажная марка. Наступившая стабильность ее – в глазах людей! – гарантировалась рентенмаркой, то есть, еще одним клочком бумаги, на котором напечатано некое обещание.

Только 30 августа 1924 г. Закон о денежной реформе позволил обменивать купюру, на которой стояло «Один Биллион Марок» (с добавлением для понятливости «Тысяча Миллиардов») на единицу новой национальной валюты.

Она получила название Рейхсмарки.

Таким образом, не остановка печатных станков (чего не было), и не ограничение расходов государства (чего тоже не было), и не поворот от плавающей марки к фиксированному паритету по доллару или золоту (и этого не было), явились непосредственной основой стабилизации.

Сработал блеф рентенмарки. Ей поверили, и потому она держала постоянную ценность марки в «один биллион» до тех пор, пока в обращение не была пущена новая законная валюта – рейхсмарка.

Как заметил тот же Брешиани-Туррони о рентенмарке, «люди поверили в нее просто в силу того, что новые бумажные деньги назывались не так, как прежние, и оттого казались чем-то отличным от них. Поэтому их принимали и не стремились немедленно потратить».

Возможно, решающую роль сыграло то, что рентенмарка была принята фермерами, и в города стало поступать продовольствие.

Две серьезные угрозы для стабилизации денег не позволяли Шахту ввести новую валюту немедленно и сразу.

Одна – это черный валютный рынок. В последнюю неделю ноября доллар достиг там курса в 12 тысяч миллиардов марок – втрое выше, чем официальный курс.

Другой проблемой были нотгелды. «У всех завелся свой рейхсбанк», говорил Шахт. Когда было объявлено, что Рейхсбанк прекращает принимать нотгелды, поднялась буря протеста со стороны тех, кто наживался на печатании своих собственных денег.

Шахт появился в Кельне 25 ноября перед собранием разъяренных промышленников и муниципальных чиновников. Он выслушал все мольбы, угрозы и требования возобновить прием нотгелдов, а затем объявил, что решение принято и что им придется привыкать к новой реальности. День расплаты наступил.

С черным рынком расправа была тоже скорой и крутой. В конце ноября спекулянты, прикинув ожидаемые прибыли, обнару-

жили, что у них нет денег для выполнения своих обязательств. Прежнее безотказное кредитование их Рейхсбанком прекратилось.

Каждому, кто накопил долларов по 12000 миллиардов марок за штуку, было предложено продать их по 4200 миллиардов марок. И к 1 декабря в Банк вернулось иностранной валюты на 10 миллионов фунтов.

Спекулянты быстренько рванули в Париж, чтобы играть на франке. Их бегство было первым сигналом того, что стабилизация стала фактом.

По иронии судьбы, в самый день стабилизации – 20 ноября 1923 г. умер д-р Хавенштайн, оказав родине последнюю услугу.

Президентом Рейхсбанка был назначен д-р Шахт, «пожизненно» – такова была формулировка. Кто же мог знать, как сложится его жизнь?

... И все изменилось. Ничего особенного не произошло: явился человек – и положил конец бессмысленным, беспутным бумажкам с астрономическими цифрами. Сначала люди с изумлением смотрели на деньги, на них стояла единица, или двойка, или десятка. Если после цифры шли два нуля, это уже была крупная сумма. Нет, до чего смешно! Ведь все привыкли считать на миллиарды и миллиарды!

Появились в обращении монеты. Настоящие монеты. Счет велся не только на марку, но и на пфенниги – до чего смешно! Казалось, из дикой, развращенной эпохи они снова вернулись в страну своего детства, вернулись от сложного к простому, естественному, вещи только теперь обрели свое подлинное лицо.

И странно, от этих скромных цифр, от монет и мелких кредиток, словно исходили какие-то чары. Люди опомнились – они начали считать, и вдруг оказалось, что счет сходится! Столько-то и столько-то я зарабатываю в неделю, столько-то и столько-то могу потратить, и, представьте, сходится! Люди целые годы считали – и не могли свести концы с концами! Они считали до беспамятства, в карманах умерших с голоду находили тысячи марок, последний нищий был миллионером.

А теперь все очнулись. Очнулись от безумного, тяжкого, мучительного сна. Они стояли тихо, они озирались. Деньги от них не убегали, время не убегало, жизнь была жизнью... (Ганс Фаллада. «Волк среди волков»).

Что было дальше

Наш рассказ посвящен истории небывалой инфляции в Германии начала 20-х. Поэтому лишь коротко коснемся дальнейших событий. Стабилизация финансовой системы не могла решить все проблемы, порожденные хаотической инфляцией. Слишком глубоко была повреждена экономика страны, чтобы можно было быстро переломить тенденции. В январе 1924 г. Шахт заявил: «Полная стабильность может быть достигнута только через суровый кризис. Мы в его середине».

По-прежнему были перебои с продовольствием, цены на продукты оставались запредельными. Отсутствие искусственных жиров из-за границы приводило к нехватке корма для скота, упали надои молока и его потребление.

Политическая обстановка оставалась сложной. Социалисты в рейхстаге вызвали падение правительства Штреземана 23 ноября. Перед тем премьер обязал фон Зеекта оказывать военную помощь гражданским властям, и это делалось.

В общем, правда, военная диктатура была весьма умеренной. Коммунисты были по-прежнему сильны в Гамбурге и Дрездене, но в целом фон Зеект сумел их обезвредить декретом о запрете экстремистских партий.

В Руре была достигнута договоренность между шахтовладельцами и франко-бельгийской администрацией о полной доставке репарационного угля и уплате 15 миллионов долларов в виде налога. Это открыло путь к эвакуации войск, но она не состоялась прежде, чем пало правительство Пуанкаре в июне 1924 г.

Для финансирования расходов государства, все еще высоких, теперь не было иного пути, кроме налогов, – тоже высоких. Зато бюджетный дефицит, в середине ноября составлявший 99%, в первые дни после 20 ноября сократился до 92%, затем упал до 44% к Новому году, и наконец бюджет был сбалансирован в марте 1924 г.

Судный процент доходил до 100%, ощущался острый дефицит кредитов и капитала. Производство сокращалось, закрывались фабрики. Быстро росла безработица. И росли цены, иногда внезапно – как плата за учебу в университетах, отчего сильно упало число абитуриентов.

И все же, понемногу жизнь нормализовалась. В течение 1924 года оживлялась торговля, ослаблялись проблемы про-

довольствия, росла покупательная способность доходов, снова открывались фабрики. Чувство уверенности оживляло энергию людей. До полного восстановления экономики, правда, было еще далеко. Некоторые считают, что оно не наступило до 1933 г. Однако, уже в 1927 г. положение многих групп среднего класса улучшилось до неузнаваемости. Но в это время в Германии начался спад (еще до Великой депрессии). Да и дело было уже не только в экономике...

Германия никогда не была республикой. Верно, при Бисмарке она стала парламентарной демократией. Но она оставалась монархией, где император много значил. В том числе, в сознании населения. Республика могла бы прижиться в спокойные времена (как показал пример ФРГ). Но этого не было. Была экономическая неопределенность и, главное, разрушительная инфляция. Она разорила широкие массы среднего класса, а выход из нее повлек массовую безработицу, и беда пришла к рабочему классу. Укрепилось всеобщее разочарование в республике, – той конкретно, какой она успела себя показать. Республику увидели как устройство, порождающее хаос. Все это – при специфически немецком пристрастии к порядку.

Еще была подрывная деятельность коммунистов, направляемая из Москвы, и отсюда страхи, отнюдь не беспочвенные, поворота на путь России.

И еще был здоровый национализм – присущее всем народам национальное самосознание и национальная гордость. Эти чувства были глубоко уязвлены военным поражением и унижениями со стороны Антанты. И было оправданное, в своей основе, неприятие Версальского договора.

И было... да, активное участие евреев в политической жизни Веймарской республики – готовый козел отпущения. Не забудем также исторический антисемитизм в Германии.

Налицо были все факторы, трансформирующие здоровый национализм в шовинизм и ксенофобию. Так формировалась массовая восприимчивость народа к пропаганде Гитлера. Изрядную долю правды содержала нацистская ложь.

Вспомним, что писал д'Абернон другу в 1923 г. «Население созрело, чтобы принять любую жесткую систему или любого человека, который покажется знающим дело и сумеет командовать громко и уверенно».

Пишущий не мог знать того, что мы знаем. Он не знал даже, что произойдет в ближайшие месяцы. Тем более, в ближайшие десять лет. Поэтому мы с полным доверием можем отнестись к его записи и принять к сведению, что уже в 1923 г. Германия была готова к приходу *избавителя*. Дело оставалось только за личностью, которая могла бы удовлетворить критериям, обозначенным д'Аберноном. А сама личность, имя которой нам известно, – у нее и конкурентов не было.

Оставалось только убедить Германию, что он – это *он*. Но что может быть легче, чем соблазнить того, кто страстно желает быть соблазненным? Возможно, не будь гиперинфляции, не было бы «фюрера».

А где репарации?

...Тем временем, союзники старались найти решение проблемы репараций. В августе 1924 г., по инициативе США, состоялась конференция в Лондоне, утвердившая «План Доуса», американского экономиста. Среди пунктов плана Доуса были: вывод войск союзников из Рура, реорганизация Рейхсбанка под наблюдением союзников и возобновление выплат репараций. Один миллиард в первый год, с ежегодным увеличением в пять лет до 2,5 миллиарда в год. По другим источникам, по миллиарду в год на первые пять лет, а потом по 2,5 миллиарда в год. Германии также была обещана ссуда от Америки.

Германия приняла этот план – выбора не было.

США и Британия принудили Францию принять план Доуса (говорят, сыграв на понижение курса франка). Это согласие, однако, мало что дало, так как вскоре Германия объявила, что и эти суммы она платить не в состоянии.

В популярных источниках наблюдается столько путаницы в этом вопросе, что ясную картину происшедшего составить трудно без специального и тщательного исследования. Похоже на то, что в середине 20-х репарации не выплачивались. Непонятна также судьба обещанной ссуды. Пишут, что она была гарантирована, но имеется ли в виду только само решение, или Германия действительно получила эти деньги – неясно. А если получила, то насколько серьезными были экономические последствия? Нет упоминаний о том, состоялась ли реорганизация Рейхсбанка. Достоверно известно только одно: Доус получил Нобелевскую премию мира 1925 г.

Все говорит о том, что План Доуса провалился, потому что на конференции в Гааге в 1930 г. был принят другой план по репарациям – План Янга. Сообщают (хотя неизвестно, насколько можно этому верить), что План Янга сократил долг по невыплаченным репарациям до 112 млрд золотых марок и разделил годовые суммы выплат на две части, треть платежа должна выплачиваться безусловно, а другие две трети можно было отложить по желанию, но на них будут расти проценты.

В это время уже начался мировой кризис, которому вскоре предстояло перейти в Великую депрессию. Ну и конечно все смешалось в доме Облонских. В Германии разразился суровый банковский кризис. Всем было ясно, что она не может платить даже по Плану Янга.

На последней в этой серии конференции в Лозанне (1932) решено было сократить обязательства Германии по репарациям до 713 миллионов долларов (вместо первоначальных 32 миллиардов) и не давить на нее, чтобы платила. Неофициально предполагалось, что этот план вступит в силу, когда США простят странам Европы долги Первой мировой. Но, в обстановке Великой депрессии, Конгресс США отказался простить долги.

Германия так и не возобновила платежи. А в 1933 г. к власти пришел Гитлер и просто отверг все обязательства. По источникам непонятной достоверности, до 1933 г. Германия выплатила всего около 12,5% от всей первоначальной суммы репараций – 16,5 млрд золотых марок.

Прошли годы. На международной конференции в 1953 г. ФРГ признала свою финансовую ответственность за невыплаченные «версальские» репарации, возобновила платежи и выплатила первоначальную сумму. Было решено, что огромные проценты, которые к тому времени накопились (125 млн фунтов стерлингов уже «в новых деньгах») будут выплачиваться после объединения страны. Так и было. Последний платеж был сделан 3 октября 2010 г.

Выводы

Очевидно, что в «споре» о причинах гиперинфляции прав был Мизес. Степень экономической неграмотности в Германии была фантастической. Если репарации и сыграли какую-то роль, то исключительно в форме приступов паники, время от времени подгонявших падение марки.

Отталкивание немецкой Исторической школы от классической политэкономии зашло так далеко, что уже во втором поколении (“Новая Историческая Школа”) превратилось в неприятие всякой теории вообще, в отказ признавать какую-либо пользу от изучения экономической науки. Когда дело доходит до реальной экономической и денежной политики, такие невинные причуды кабинетных ученых подчас могут плохо кончиться для народа, который привык им доверять.

«Что больше всего поражает при рассмотрении денежной и банковской политики Германии в период от начала войны¹³ до катастрофы 1923 года, – писал Людвиг фон Мизес¹⁴, – так это абсолютное неведение даже самых элементарных принципов денежной науки буквально у всех государственных деятелей, политиков, банкиров, журналистов и так называемых экономистов. Иностранцу даже трудно себе представить, насколько безбрежным было это неведение. Поэтому в последние три года инфляции в Германии, некоторые иностранцы стали верить, что немцы намеренно разрушили свою валюту, чтобы вовлечь в это разрушение другие страны и уйти от выплаты репараций. Бессмысленно, однако, приписывать германской политике эдакий тайный сатанизм. Единственной тайной в политике Германии было полное отсутствие даже малейшего знакомства с экономической теорией».

«Очень интересно было бы показать, – говорит Мизес, – что такой подход был необходимым следствием всей системы социальной и экономической философии, присущей учению школы Шмоллера. Согласно статистским взглядам этой Школы, решающим фактором общественной жизни является Сила (*Macht*). Они и мысли не допускали, что даже самое сильное правительство не свободно делать все, что существуют некие непреложные условия человеческого существования, неподвластные самому мощному вмешательству... Учили, что в социальной жизни нет ничего важного, кроме силы... А сила в их глазах, это – солдаты и ружья. Они никогда не постигли открытия Юма, что любое государство держится на мнении».

¹³ Речь о Первой мировой войне.

¹⁴ В статье “Великая Германская Инфляция”, 1932 г. Статья явилась рецензией на книгу Фрэнка Д. Грэма (см. прим. 7).

Убежденность во всемогущей силе государства, которое воплощает высшую нравственную справедливость, вера в то, что все беды страны исходят от врагов, и гиперинфляция, лишившая массы населения их сбережений, имущества и, нередко, средств существования, – вот три фактора, которые подготовили и сделали практически неизбежными зарождение, рост популярности и массовую поддержку национал-социализма.

Дорого обошлись всем и Немецкая историческая школа Шмоллера, и правило, что существует только одна истинная наука.

Эпилог

1923 год. Офис Ялмара Шахта в Министерстве финансов – одна комнатенка с окнами во двор, прежде – чулан-буфетная какого-то высокого чиновника. Отсюда он – меньше, чем за неделю, – трансформировал финансовую систему Германии из хаоса в стабильность.

Потом, много позже, его бывшую секретаршу спрашивали, как он работал.

«Что он делал? – ответила она. – Сидел в своем кресле в этой темной комнате и курил. Писал ли он письма? Нет, он не писал писем. Он постоянно был на телефоне. Он звонил во все места, имеющие отношение к деньгам и валюте, в Германии и за границей, и в Рейхсбанк, и Министру финансов. И курил. Ели мы тогда немного. Домой обычно уходили поздно, часто к последнему пригородному поезду, и ездили третьим классом. А больше он ничего не делал».

ПОСТСКРИПТУМ

...В один из дней июня 1948 года Людвигу Эрхарду, министру экономики в правительстве ФРГ, позвонил американский генерал Клэй (Clay – глина), тогдашний командующий оккупационными войсками союзников в Западной Германии. Дело было накануне заявления правительства ФРГ о начале экономической реформы.

– Мои экономические советники говорят, что вы собираетесь сделать большую ошибку, – сказал генерал Глинка.

– И мои советники говорят то же самое, – ответил Эрхард.

Видимо, в советниках задавали тон кейнсианцы. Реформу для Эрхарда готовили, однако, другие люди. Это была команда немецких экономистов новой генерации. Идеологом реформы был блестящий Вильгельм Рёпке, последователь Мизеса и друг

Хайека, а работали: Вальтер Ойкен, Александр Рюстов, Франц Опенгеймер, Альфред Мюллер-Армак и другие. Все они представляли Антинацистскую Оппозицию – группу противников нацизма (организационно не оформленную), возникшую еще во время войны. Главными моментами реформы были: отпуск всех цен и свобода рыночной конкуренции.

А что там было в этот исторический момент?

...Итак, завершилась еще одна мировая война. И опять – поражение Германии. Тяжелейшее поражение. Разгром. Катастрофа – военная, политическая, экономическая, гуманитарная, духовная...

Время: 1945–47 гг. Ситуация Германии хуже, чем в 1918–21 гг. Гораздо хуже. Да фактически и нет такой страны – Германии. То, что от нее осталось, разделено на четыре зоны оккупации, и в каждой из них свои порядки наводит военная администрация одной или другой страны.

Территория стала еще меньше, чем после Версальского договора. Промышленность развалена, разрушена практически вся инфраструктура. Жилой фонд в городах – сплошные развалины. Потеряно убитыми 10% населения, включая большие жертвы гражданских лиц. Деморализованный народ. Массы выживших влачат полуголодное существование. Денежная система дезорганизована. Процветает черный рынок, где валютой служат американские сигареты... Нехватка продовольствия, массовая безработица, чрезвычайно низкая деловая активность, расцвет спекуляции. Контроль над ценами, административное распределение ресурсов. Высокая инфляция (хотя и не такая жуткая, как в 1922–23 гг.).

РАЗРУХА! В самом буквальном смысле.

«Биологически искалеченная, интеллектуально изуродованная, морально уничтоженная нация без продуктов питания и сырья, без функционирующей транспортной системы и чего-либо стоящей валюты, страна, где голод и страх убивали надежду», – свидетельствовал немецкий публицист в 1947 г.

Ладно, тем временем из трех зон оккупации образовалась ФРГ. Прошли выборы в Бундестаг, сформировано правительство Конрада Аденауэра. В июне 1948 г. была объявлена денежная реформа. Вместо обесцененной рейхсмарки (когда-то – детище Шахта) вводилась новая твердая валюта – дойчмарка.

И десяти лет не прошло, как в стране состоялось «экономическое чудо». Не потому ли, что там не было социалистических

преобразований? Там была реформа Эрхарда: неограниченная частная инициатива, свобода конкуренции и ценообразования, гарантии охраны частной собственности, налоговые и другие льготы малым бизнесам...

Оппозиция яростно критиковала мероприятия реформы. И кто это был, догадываемся? Конечно. Немецкие социал-демократы.

Понятно, большую роль сыграла финансовая помощь Америки по Плану Маршалла. Верно, только иностранные ссуды и подарки – это еще не все. Австрия начала 20-х тоже получала какую-то помощь от победителей. И что это дало? Средства шли на собес, а инфляция продолжалась.

Не то было теперь в ФРГ.

«Черный рынок внезапно исчез. Витрины до отказа наполнились товарами, фабричные трубы задымили, а на улицах засновали грузовики. Повсюду мертвая тишина развалин уступила место шуму стройплощадок. Еще за день до этого немцы бесцельно слонялись по городам, чтобы с трудом добыть скудную пищу. На следующий день все думали о том, чтобы производить. Вечером их лица выражали безысходность, а наутро вся нация с надеждой смотрела в будущее», – писали французские экономисты Жак Рюэфф и Андре Пьетр.

Сам Рюэфф, активный критик кейнсианства еще с 40-х, станет потом экономическим советником президента Де Голля и архитектором «экономического чуда» во Франции 50-х.